

сабина акперова

ФЛОРА

16+

Сабина Акперова

Флора

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Акперова С. И.

Флора / С. И. Акперова — «ЛитРес: Самиздат», 2018

История о девушке, желающей выбиться в свет. Её природная красота и острый ум давали шансы, но бедность ограничивала её возможности. Тогда она устраивается на работу служанкой в богатую семью. Владелец этого дома - немолодой, но успешный бизнесмен, крупный финансист, испытывающий большие разочарования в жизни на пике своей карьеры, обращает на неё внимание. Между ними возникает страсть. Но суждено ли их любви стать реальностью, если его положение в обществе и семья стоят на пути их счастья? Он в полной растерянности, и тогда Флора сама приступает к решительным действиям: не желая терять его, она прибегает к сомнительным методам...

Содержание

Часть первая	5
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Сабина Акперова

Флора

Часть первая

Эта история началась 19 июля 2005 года в столичном пригороде Полбино, в большом загородном доме крупного финансиста и бизнесмена Андрея Николаевича Струнина. Был день его рождения – юбилей. Андрею Николаевичу исполнилось тогда сорок пять лет. Обычная суета, сопровождающая такого рода мероприятия, была ещё немного усложнена некоторыми причинами. Не успели вовремя завести столы для торжеств в саду. Хозяйка перенервничала, пока наконец, дюжина белоснежных столов не выстроилась на зелёной лужайке. Потом оказалось, что в трио латиноамериканских гитаристов неожиданно заболел бас. Музыканты долго препирались и друг с другом и с кем-то ещё по телефону, пока не нашли ему замену.

Оставалось три часа до начала торжеств и вдруг оказалось, что некому стоять в гардеробе и принимать верхнюю одежду гостей.

– Мама, я тебя прекрасно понимаю, в твоё советское время не устраивали таких торжеств, не было таких домов, и я тебя очень прошу – не спорь со мной. Я и так вся на взводе. Мне просто нужна гардеробщица! Вежливая и симпатичная девушка! И всё! Мне она нужна на один вечер. Ну и что, что лето?! Гости будут в нарядах, не так уж и жарко, может быть, кто-то захватит что-то с собой. Куда его деть?! Для таких дел и существует гардероб, понимаешь? А гардеробщица может помочь дамам привести себя в порядок, показать, где находится дамская комната. Кто этим будет заниматься? Ресторан категорически отказался, они только накрывают и разливают. У них официанты элитные. Представляешь, он мне так и сказал, – элитные! Как бы ещё нам с тобой не пришлось бы развлекать этих элитных официантов. А у нас своих только две кухарки, экономка, домработница, да и я с тобой.

– Я могла бы... – нерешительно попробовала предложить свои услуги мама.

– Мама, умоляю тебя! Это не субботник, а юбилей твоего зятя – вице-президента крупной банковской структуры. Сюда сейчас налетит толпа охранников, заместитель министра принял приглашение, с администрации президента будут гости, а тёща именинника будет собирать зонты и плащи. Как ты это себе представляешь?!

– Хорошо, хорошо, Света, делай, как знаешь. Я просто хотела помочь тебе.

– Помоги. В гостиной, в тумбочке под телефоном есть справочник. Найди там агентство, кажется, «Уют» или что-то в этом роде. Там отмечено красным карандашом, я несколько раз пользовалась их услугами, когда мы только переехали сюда. Позвони им, напомни про нас и делай, что хочешь, но чтобы через час была гардеробщица. Предложи двойную цену. Но умоляю тебя, скажи, чтобы была похожа на человека, а не на обезьяну, чтобы могла хоть два слова связать, в общем, ты меня понимаешь. И прошу, побыстрее, пожалуйста, мама.

Светлана Струнина была ровесницей своего мужа Андрея. Они познакомились, будучи студентами финансового вуза, но тогда это не переросло во что-то более серьёзное. А за карьерой друг друга они следили, но не так, чтобы специально, а просто по – инерции. Светлана вышла замуж сразу после окончания вуза, но не смогла долго терпеть своего маленького «деспота», так она называла своего первого мужа. Он был старше её на двадцать пять лет и был председателем правления солидного государственного банка. В том же банке кассиром трудился её отец. Светлана была хорошей дочерью, отца она любила и знала, чем может ему угодить. Поэтому, когда по трагической случайности председатель остался вдовцом, она не отказывалась принимать от него настойчивые знаки внимания. Он хорошо знал Светлану, часто

видел её в банке у отца, и она ему всегда нравилась. Через год после смерти жены, он попросил у Светланы встречу. За ужином в ресторане он и рассказал ей о своих чувствах.

Карьера отца сразу же резко пошла в рост и через год он руководил отделом в Центробанке. Детей у них не было. Но её хватило только на пять лет. Но к этому времени она уже сама курировала несколько крупных финансовых проектов правительства. Так что необходимость в маленьком и толстеньком «деспоте» отпала. Они даже долго не объяснялись, он оказался на редкость понятливым человеком. Вероятно, много счастья не бывает, сказал он ей как-то. Светлана с ним согласилась, собрала свои вещи и уехала от него к родителям.

Примерно через год на совещании в правительстве, она и встретила Андрея. Они сидели за огромным белым столом, иногда их взгляды пересекались как – будто случайно, но она чувствовала, что это не просто так. Они договорились встретиться в тот же день вечером. Как-то так получилось, что им даже не пришлось объясняться. Ещё через год они сыграли свадьбу. Жили они хорошо. Единственным разочарованием было то, что детей у неё так и не было. Попробовав проконсультироваться у медицинских светил, они вскоре махнули на это рукой. Всё было бесполезно.

Очень скоро они переехали в этот роскошный особняк. Папа, который уже был главным кассиром и членом правления Центробанка, помогал и Андрею. Так что, стать состоятельным человеком уже большого труда ему не стоило. Помимоэтого дома, у них была хорошая квартира в центре Москвы, где иногда они оставались на ночь. Но в основном, они жили здесь, за городом в Полбино. Была у них и недвижимость за рубежом, но они старались не слишком увлекаться иностранными активами. Андрею неоднократно намекали, что хотят видеть его в скором времени в правительстве и поэтому он всегда осторожничал, не хотел лишнего шума. Он очень много работал, впрочем, как и она сама. Им обоим нравилось работать, зарабатывать большие деньги, чувствовать себя лидерами.

– Ну что, мама? – спросила Светлана Васильевна.

– Обещали прислать, – успокоила её Анна Петровна.

– Когда? Не сказали? Надеюсь, не завтра?

– Не волнуйся, я им всё объяснила. Сказали скоро. Тебя они помнят, – обрадовала её мама. – И обещали, что будут приемлемые параметры. Гардеробщицы, конечно.

– Вот и отлично. Ты идёшь и следишь за поварами, а я расставляю столы и стулья. Официанты меня уже ждут. Лишь бы дождь не пошёл. Господи, ещё надо подарки упаковывать. Я поручила это нашей экономке. Мама, когда я буду умирать, организацию моих похорон поручим ей. Уверяю тебя, с ней я никогда не умру.

Но дождь не пошёл. Всё шло как нельзя лучше. Ей нравилось готовить юбилей, хотя и не обходилось без нервотрёпки. Но когда всё пошло как по – маслу, она расслабилась и позволила себе немного раскрепоститься. Помузицировала немного с музыкантами, развешивала гирлянды с девушками – дизайнерами, расхваливала поваров, снимая пробу с закусок. Ей хотелось быть доброй хозяйкой. И у неё это получалось.

– Светлана Васильевна, – позвал её охранник, – там вас спрашивают. Какая-то девушка.

– Меня?! Какая-то девушка? – удивлённо спросила она – Кто меня может спрашивать?

А чего ты не пропустишь?

– Я её в первый раз вижу. Говорит, что с какого-то агентства.

– Ах, да, – вспомнила хозяйка, – немедленно пропусти её. Или не надо, я сейчас сама выйду её встречу. А ты пока поищи Анну Петровну, скажи, что я зову её.

Хозяйка подбежала к воротам. Сбоку стоял старенький «Форд», а рядом облокотилась на него молодая особа. Она быстро выпрямилась, увидев Светлану.

Приятная, подумала про себя Светлана и позвала её:

– Вас прислали с агентства?

– Да, – обворожительно улыбнулась девушка ей в ответ.

– Идёмте со мной, – приветливо махнула она ей рукой.

– А машина? – немного беспокойно спросила она.

– Не волнуйтесь, – успокоила её Света. – Отдадите ключ охраннику и он поставит её на стоянку. Она у нас за домом. Там безопасно, не волнуйтесь.

– Хорошо – сказала девушка и быстро подошла к ней. В руках у неё была большая хозяйственная сумка.

Светлана позвала охранника и попросила взять у девушки сумку.

– Значит так, милочка. Сегодня у нас – юбилей. Вы будете помогать обслуживать гостей. Вам когда-нибудь приходилось это делать?

– Да, мадам. Я некоторое время работала в гостинице, пятизвёздочной. Вот здесь все мои бумаги и договор от агентства.

– Вот и хорошо. Не называйте меня «мадам», просто, Светлана Васильевна.

– Хорошо, мадам Светлана Васильевна.

Светлана хотела ей сделать замечание, но удержалась. Можно и потерпеть один день, подумала она про себя.

– Сейчас подойдёт Анна Петровна, – продолжала она читать инструкцию, – это моя мама. Она вам всё объяснит. У вас есть форменная чистая одежда?

– Да, конечно. Она здесь, в сумке. Мне её только погладить. У меня и утюг с собой.

– Отлично. Будете хорошо работать, я вам ещё доплачу. Надо будет успевать за всеми, помогать официантам, поварам. Принимать верхнюю одежду у гостей, если она будет. Если заметите, что дама крутит головой, значит, она ищет...

– Дамскую комнату, мадам.

– Умница! А вот и Анна Петровна. Ну, всё, удачи вам! Да, кстати, а как вас зовут?

– Меня зовут Флора, мадам.

С тех пор прошло три месяца. Больших изменений в жизни семействе не произошло, почти всё время они посвящали работе или, как сейчас стало принято говорить, – государственным и частным проектам финансового обеспечения.

И отец Светланы – Василий Александрович Белоусов, и Андрей, и сама Светлана хоть и работали в разных учреждениях, но пересекались в делах по одним и тем же проектам. Недаром мать Светланы – Анна Петровна постоянно подшучивала над ними, говорила, что они втроём могут обвалить любую страну и войны не надо.

Последние полгода Андрей Николаевич занимался финансовым обеспечением подготовки крупного международного делового форума. Это было очень престижное мероприятие, и Андрей знал, что подготовка к нему на особом контроле у президента. Дела шли неплохо, не было ни одного срыва по вине службы Струнина. Андрею дружески нашёптывали, что премьер лично произносил его фамилию президенту с очень приятной похвалой, хотя большой доброжелательностью он никогда не отличался.

Когда строители, транспортники требовали дополнительных средств, Андрей превращался в раненого зверя. «Ни копейки, пока не освоите предыдущие средства и не отчитаетесь!» С ним ругались, ему угрожали, упрасивали, уговаривали, но он стоял на своём. Получилось! Потихоньку стала налаживаться финансовая дисциплина. Его фамилию запомнил председатель Счётной комиссии – ближайший соратник президента.

Международный форум прошёл превосходно, и правительство было довольно его результатами. В числе отличившихся и представленных к государственным наградам была и фамилия Андрея.

Чаще всего они ужинали дома, не позднее восьми часов. К этому времени поспевал и Василий Александрович. За ужином говорили, конечно, о работе. Она объединяла их всех

троих. Мать никогда не принимала участия в застольных беседах, предпочитая развлекательные программы или сериалы по телевизору в соседней комнате.

– Ты просто меня не слушаешь, Андрей, – немного раздражённо и обиженно бросил Белоусов. – Целый час я говорю тебе о нём, а ты даже бровью не повёл.

– Я вас внимательно слушаю, Василий Александрович, – смиренно ответил Андрей тестю. К нему он относился равнодушно уважительно.

– Значит, прослушал или не придавал значения. Ты слышал, что Захарова представили к ордену? Точно не знаю, к какому, но, говорят, что награда очень серьёзная.

– Да, кто-то мне говорил об этом. Вполне заслуженно, я так думаю. Разве не так?

– Да я не об этом, – развёл руками Белоусов, – орден так орден. Жалко, что ли! Захарова готовят к пенсии. Потихоньку, полегоньку, чтобы не обидеть акулу финансового мира. Шутка ли, он ещё при Брежнев в министерстве сидел! А на его место кого? Как ты думаешь? Или ты, вообще, думаешь об этом?

– Честно говоря, Василий Александрович, я не думал об этом, – ответил Андрей.

– Зря. Сегодня встретил его в Центробанке. Обнял меня, старый лис, сколько, говорит, лет – сколько зим. Пригласил я его к себе в кабинет. Пошёл, представь себе. Сидели, вспоминали старые времена. И тут, как манна с небес, он мне и говорит, а этот Струнин – он тебе кто? Как – будто, зараза, не знает. Как кто, говорю, Светкин муж...он же и Светлану с детства знает, зять значит. А что, спрашиваю? Ничего говорит, просто много лестных отзывов. От кого, опять спрашиваю. От пионерских и комсомольских организаций. Вот тебе и Захаров. Воду пригубил, встал и пошёл к дверям. У двери остановился и говорит, ты, Василий передай зятю, его на моё место метят. У меня министр спросил про него, я сказал, что не против. Как говорится, компрометирующих фактов нет. Выходит, что с тебя магарыч, это он мне, значит.

– Ты это серьёзно, папа? – у Светланы округлились глаза, она отложила вилку.

– Делать мне нечего, шутить с тобой в этот час. Наконец – то и до вас дошло!

– Андрей, – Светлана удивлённо посмотрела на мужа, – ты ничего не говоришь? Ты что, не слышал?! Или тебя это совершенно не касается?

– А что мне говорить? Во-первых, вы сами сказали, Василий Александрович, что Захаров – ещё тот лис. А во-вторых, пока это просто слухи. Я сомневаюсь, что вот так вот, сразу, мне предложат кресло начальника Управления. Я, как минимум знаю троих, кто может заменить Захарова. В принципе я рассчитываю на повышение, но не думаю, что выше начальника отдела или зама управляющего...не знаю. Не думал, пока.

– Папа? – Светлана вопросительно перевелась на отца. К вилке она так и не притронулась. – Ты слышал? Он знает, как минимум, троих. А скольких знаешь ты?

– Что тебе? Вы что – мне не верите? Мне?! Захаров просто так даже из кабинета не выходит, это все знают. Каждое слово, каждая буква, вылетающая из его рта, всегда чего-то стоит. Он когда приехал в банк, то его рассматривали как ожившую мумию фараона Тутанхамона. Молодёжь из кабинетов выбегала, чтобы на него посмотреть! Он – легенда! За свои пятьдесят лет службы он не произнёс ни одной шутки! Ни одной! Знаете почему? За одну маленькую шутку его отца при Сталине посадили на десять лет! Захаров никогда ничего просто так не делает. Он человек старой формации и меня заранее оповестил по старой дружбе. Раньше так было принято – дружить! Понимаете?

– Андрей, – окончательно поверила в новость Светлана и восхищённо развела руками, – ты будешь начальником Управления министерства финансов! Представляешь!?

– Не представляю, – большой радости в ответах Андрея Николаевича не наблюдалось, – даже не думаю об этом. Что хорошего в государственной структуре? Мы с тобой, Света, когда-то мечтали полностью переключиться на частный бизнес, а сейчас, наоборот, всё больше и больше вязнем в госбанке.

– Ну, зачем ты так, Андрей? – разочарованно протянул Василий Александрович, явно недовольный репликой зятя. – Вязнуть в госбанке? Надо же!

– Папа, оставь его, – не дала развить свою мысль отцу Света, – он просто устал. Да, и я в этом виновата. А что мне было делать?

– Ладно, не будем это обсуждать, хотя бы за ужином, – миролюбиво попытожил Андрей. – И я устал, и Света устала, да и вы, Василий Александрович, не с парада.

– Слушайте, ребята, давайте выпьем вина, а? – мудро попробовал окончательно снять напряжение Белоусов. – Думаю, у вас найдётся хорошее вино?

– Почему бы и нет, – сказала довольная Света. – Думаю, что не помешает.

– Я тоже не против, – улыбнулся ей Андрей. – Кажется, сейчас, это то, что нужно.

– Мать! Мать! Анна Петровна, иди к нам, – позвал жену Василий Александрович, – мы сейчас вино пить будем! Бросай ты свой идиотский телевизор!

Утром, почти никогда Светлана Васильевна не завтракала. Так, чашечку кофе с печеньем. Но завтракал Андрей, а она обычно по утрам на кухне давала распоряжения на весь день. Мать в хозяйстве по управлению большого дома участия никогда не принимала. В последнее время она и приезжала сюда реже, предпочитая свою маленькую квартирку на Фрунзенской набережной. Помимо постоянного охранника в доме жила экономка и домработница. Они и вели хозяйство. За садом смотрел приходящий садовник, а техническое обслуживание дома осуществлялось по договору с обслуживающей компанией.

Экономка, немолодая и чопорная старая дева с немецкими корнями, остановила её у самой двери и заговорила с ней несколько недовольным тоном.

– Светлана Васильевна, вероятно, вы забыли мою просьбу? – спросила она у хозяйки.

– Просьбу? – Светлане стало неудобно оттого, что она действительно что-то забыла. – Напомните, пожалуйста.

– Наша домработница Надежда завтра уезжает. Она просит расчёт. Она уже болеет несколько дней. Это так неожиданно, словно, кто порчу навёл на бедняжку. Я так больше не могу, не справлюсь одна. Я говорила вам по поводу замены.

– Да, да, да, простите, но как-то вылетело из головы. Так найдите кого-нибудь, может быть вам созвониться с каким-нибудь агентством?

– Там не получается так скоро, а с улицы брать я не хочу.

– И не надо. Только с рекомендациями. Понимаете, я не могу этим заниматься. Этим надо заниматься вам, Тамара Константиновна, – нехотя упрекнула она её, – это ведь ваша работа. За персонал по дому отвечаете вы. Кажется, мы об этом с вами договаривались. Или вы забыли?

– Но это такая ответственность, Светлана Васильевна, я боюсь, что не смогу подобрать стоящего работника. Дом же ваш, простите меня, – резонно ответила экономка.

– Это абсолютно не логично, – не согласилась с ней хозяйка – А что тогда делать? – почти возмутилась она. – Мне заниматься персоналом? Когда?

– Может быть... – неуверенно начала экономка.

– Говорите и побыстрее, у меня мало времени, – поторопила её Светлана Васильевна.

– Помните, на юбилее Андрея Николаевича, летом, нам помогала одна девушка. Вы её наняли только на один день. С агентства. Она в гардеробе работала.

– Не помню... – покачала головой Светлана Васильевна.

– Миленькая такая, брюнетка, она вам ещё понравилась. И вы ей тоже понравились, и этот дом. Она тогда сказала мне, что если будет нужна, то может перейти к нам на постоянное место. Она и убирать может, и готовить, девушка приветливая, чистоplotная и документы у неё в порядке. Вспомнили?

– Да, да, вспомнила. Ну и позовите её. Она оставила вам свои координаты?

– Да. Её адрес и телефон у меня в записной книжке.

– Отлично. Назначьте ей испытательный срок на два – три месяца, копию документов отправьте в полицию нашим людям, пусть проверят. Условия она знает?

– Да. Я тогда говорила ей. Условия её удовлетворяют.

– Всё. Вот и решили. Вызывайте её поскорее. Я её точно вспомнила, милая девушка. Кажется, она работала в гардеробе. Её зовут, как-то... кажется, Хлоя?

– Флора, – поправила хозяйку Тамара Константиновна.

– Ну да, конечно, Флора.

– Это несколько другое, милочка, – Тамара Константиновна инструктировала свою новую помощницу, – здесь вам не гостиница. Там постоянно меняются люди, одни приезжают, другие уезжают. Они могут про вас скоро забыть и всё простить. А здесь вы будете работать только для одной семьи. Отсюда следует, что все ваши промахи и недостатки запомнятся и ими могут воспользоваться для упрёков и недовольств. Поэтому, постарайтесь быть предельно аккуратной и осторожной, если хотите здесь работать. Ни с кем и никогда не вступайте в приватные беседы, не обсуждайте положение дел, не говорите о личном. Уверяю вас, что ваши проблемы здесь никогда и никого интересовать не будут. Понятно? И вообще, постарайтесь без особых причин не попадаться на глаза. Дом большой и у вас всегда будет хватать работы. Постоянно в доме, помимо хозяев, живёт охранник и я. Теперь будете жить и вы. Вы будете жить рядом с моей комнатой, там есть всё необходимое для отдыха. Этот домик стоит в глубине сада, кажется, вы его видели?

– Да. Летом, когда я работала на юбилее хозяина. Я там переодевалась. Мне там понравилось. Чисто, скромно и со вкусом.

– Отлично. Сюда, в дом без дела не входить. Хозяина дома зовут Андрей Николаевич, ему сорок лет, он крупный финансовый деятель, очень уважаемый человек. Это всё, что вам нужно знать о нём. Вполне возможно, что вы даже не встретитесь с ним, да вам это и не нужно. Всё, что от вас потребуется, буду сообщать вам я. Хозяйку дома вы знаете, её зовут Светлана Васильевна. Она тоже финансист, дама доброжелательная и очень отзывчивая. Если она вас о чём-то попросит, обязательно ставьте меня в известность. Вы меня поняли? Никаких самостоятельных действий! Все распоряжения по службе вы будете получать через меня. Запомните это. Дома, кроме них, постоянно бывает Анна Петровна – мать Светланы Васильевны. Относитесь к ней и к её просьбам с особым почтением, так же как и к её отцу – Василию Александровичу. Иногда приезжают их родственники или друзья, живут здесь по несколько дней. Их обслуживание тоже входит в наши обязанности. Об уровне я вас буду предупреждать.

В чём будет заключаться ваши обязанности. Вы накрываете стол на завтрак, обед и ужин. Распоряжения давать буду я. Обслуживать за столом – тоже я. Вы убираете стол и собираете посуду на кухне. Посуду моет кухарка. Еду готовит приходящая повариха. В течение всего дня, когда в доме нет хозяев, мы с вами приводим дом в порядок, поддерживаем его чистоту. Дом, как вы видите, большой. Бельё мы сдаём в прачечную, они приезжают сами за ним. Все технические службы у нас на абонентском обслуживании. В саду убирается садовник, два раза в неделю. Следить за садом в его отсутствии будете вы. Уборка комнат, смена белья, чистка окон и зеркал, посуды, картин и прочего остального, милочка, обычная женская работа. Я закажу вам служебную одежду, завтра приедет портной. Во время завтрака, обеда и ужина вы должны находиться в этой комнате, потому что вы всегда можете понадобиться. То же самое, когда в доме гости. Но это отдельная тема, будем обсуждать. Если у вас есть сотовый телефон, то постарайтесь не пользоваться им на виду, в доме. Оставьте его в своей комнате. У вас будет время отдыха после обеда и после ужина. Отпуск – в год четыре недели. Один выходной в неделю полный, суббота – полдня. Если нужно будет поработать – будем договариваться. Или финансовая компенсация, или к отпуску дополнительный день. Про зарплату я вам уже сказала, каждую неделю в пятницу вы будете получать 500 долларов. Наличными деньгами здесь

никто не пользуется. Вам откроют счёт в банке, куда и будут переводить ваши заработанные деньги. Стол для вас бесплатный. Вы можете питаться здесь в день три раза, пользоваться душем в вашей комнате. Свои вещи вы будете отдавать в стирку вместе с хозяйскими. Для вас это бесплатно. Запрещается курить и употреблять алкогольные напитки на территории дома. Знакомых и родственников сюда не приглашать. Не приветствуется поддержка отношений с персоналом вне службы. Не приветствуется поддержка отношений с соседями. Короче говоря, язык надо держать за зубами, простите за фольклор. Часто бывают премии, по праздникам или просто так, когда у хозяйки хорошее настроение. Так, что вы вполне сможете накопить за пару лет на хорошее приданное. У вас есть вопросы?

– Нет.

– Если будут, то не стесняйтесь. Ну что, милочка, добро пожаловать в Полбино!

Флоре было тогда 25 лет. Она была среднего роста для женщин, около 165 – 167 сантиметров, великолепно сложена, совсем немного плотная. У неё были густые тёмно-каштановые волосы, она их постоянно прятала под головной убор. Но когда она их расчёсывала, редкая женщина могла смотреть на это без зависти, а мужчина – без восхищения. Кожа у неё была белая и когда она краснела, то становилась похожа на розовое мраморное изваяние. Она была обаятельной, милой. Косметикой Флора никогда не пользовалась, добрая природа подарила ей выразительные брови, длинные ресницы и глаза, глубокого зелёного цвета. Нос у неё имел классическую форму, был прямым, без всякого намёка на курносость. На правой щеке, прямо над верхней губой красовалась ровная, маленькая и круглая родинка. Конечно, она была обворожительна. Прошлое таких женщин всегда интересно, так же, как и будущее, впрочем. Нельзя было ей отказать и в хорошем уровне грамотности. У неё были красивые ровные зубы, очень приятная и доброжелательная улыбка. Она могла достаточно долго и интересно поддерживать беседу. На провинциалку она не была похожа. И, конечно, не мог не возникнуть вопрос – была ли попытка сделать карьеру? Или удачное замужество? Это тоже один из основных вариантов устройства судьбы. Но Флора не любила обсуждать эти вопросы. Объясняла экономке, что окончила педагогический институт, показала свой диплом и передала ей копию. Сказала, что некоторое время работала в школе. Не понравилось. Кстати, негласная проверка её прошлого это подтвердило. Как и то, что она не была замужем. Официально, во всяком случае.

Работала она хорошо, и, как подобает настоящему профессионалу, была абсолютно незаметной. Утром накрывала на стол, на кухне дождалась конца завтрака. Потом всё убирала и, получив распоряжения Тамары Константиновны, пускалась по лабиринтам большого дома. Работы хватало, она её не боялась. В доме было не принято обсуждать прислугу, поэтому её появление почти никто не заметил. Правда, Анна Петровна, проследив за новой домработницей пару дней, спросила у дочери:

– Это та самая девочка, которая была на юбилее Андрея?

– Да, мама. С твоей лёгкой руки, помнишь? Ты её нашла в агентстве.

– Да, а она похорошела, не находишь? Или мне так кажется?

– Что? – не расслышала дочь или сделала вид, что не расслышала.

– Я говорю, – повторила Анна Петровна, – что она красивая. Не находишь?

– Да. Ну и что? – спросила Светлана, хотя прекрасно понимала, что имеет в виду её мама.

Про себя она подумала, что сегодня она тоже впервые заметила, что Флора очень красивая.

– Тебе обязательно всё надо разжёвывать, кроме своих финансовых таблиц ты уже ничего не видишь. Открой глаза и посмотри вокруг.

– Что случилось, мама? – удивилась Светлана. – Тебя что-то смущает? Или ты что-то знаешь? Давай, раскалывайся! Не говори со мной загадками, мне некогда их разгадывать.

– Меня волнует твоя безразличность ко всему происходящему вокруг. Твой муж – не старый мужчина, в полном расцвете сил, а ты приводишь в дом в качестве прислуги молодую, красивую и привлекательную особу. Ты не боишься?

– Чего, мама? Что он влюбится в неё и разведётся со мной? Ну, говори, мама, говори до конца. Андрей – крупный государственный чиновник, ко мне он относится очень хорошо, лучше и желать не надо. А что, я должна была взять в дом страшилку?! Уродину! Чтобы у всех в этом доме аппетит пропадал при её виде? Ты же обратила внимания, что она очень дисциплинирована, в доме совсем не бывает, когда мы там. Прямо вот уже, Андрей начал за ней ухаживать! Ради бога! Хотя бы уже, иногда я думаю, что он на такие вещи уже не способен. Я была бы не против этого. Он заикнулся на своей работе.

– Я не говорила тебе, что он за ней ухаживает. Я просто сказала, что она красивая. Кстати, те функции, которые она выполняет, вполне могла бы выполнять и не такая молодая красавица. Пропылесосить, смахнуть пыль с картин, что там ещё...

– Хорошо, мама. Что мне теперь, уволить её?! Меня она устраивает, Тамару Константиновну тоже. Сейчас так трудно найти хорошую прислугу, ты же знаешь. А Андрей и на работе окружён гаремом почище этой Флоры. Он полностью свободен в своих действиях, как и я. Мы договаривались об этом, строили наши взаимоотношения на честности и доверии. У меня нет, и никогда не было причин не доверять ему, я не могу этого делать. Потому, что и он доверяет мне. Ты же видишь, как много он работает, да и я сама вся измочалилась на этой работе.

– Я тебе об этом тоже говорила. Вы оба себя изматываете. Скажи мне, сколько можно зарабатывать! Зачем вам столько денег? Это у тебя от твоего отца. Вы никогда не остановитесь. Вы стали рабами своих денег, вы на них работаете, а не они на вас.

– Мама, я не хочу говорить об этом! Прошу тебя! Я чувствую, что ты права и поэтому прошу – не надо! Я тебе уже объясняла, что в нашей специфике по-другому не получается. Это как в строительстве дома, начал с проекта и закончил новосельем. Мы не можем выйти из своих проектов, это может плохо кончиться и для нас, и для наших партнёров. Мы вынуждены тащить воз до конца, контролировать лично всё до конца! Как-то только Андрей получит пост в министерстве, то мы сразу же начнём новую жизнь. Отдых, бассейн, отпуск, театры, выставки, как и мечтали когда-то. Денег мы уже заработали достаточно.

– Тебе надо было родить ребёнка сразу, как – только вы поженились. Ведь ты могла тогда, а теперь. Сейчас бы всё было по-другому. И у тебя – тоска, и у нас с папой.

– Мама, я прошу тебя, не надо об этом. Ты меня совсем не жалеешь, – обиженно отреагировала Светлана Васильевна и отвернулась в сторону.

– Хорошо. Извини, – искренне сказала Анна Петровна, двумя руками обняв дочь.

– Ну что ты, мама, – немного помолчав, продолжила Светлана, – ты в последнее время всё реже приезжаешь, и нам не удаётся даже вволю наговориться. Почему так?

– А что мне здесь делать? Сплетничать с твоей экономкой и смотреть телевизор. Ты приезжаешь поздно, иногда совсем не приезжаешь, я тебя почти не вижу. А там, в Москве у меня подруги, ты их всех прекрасно знаешь. Мы давно дружим, сюда они приехать не могут, далеко. Собираемся, пьём чай, гуляем в Нескучном саду, ходим в Парк Горького. Когда ты была маленькая, ты любила с нами гулять. С твоим отцом мы всегда были разные, только ты нас и объединяла. Ты стала самостоятельной, и я уже никому не нужна.

– Это не так, мама. Не обижайся на меня. Я очень люблю тебя.

– Знаю. За что мне на тебя обижаться? Просто у вас совсем другие дела.

– Наверное, я очень невнимательная дочь. Но я ничего не могу сделать. Если бы ты знала, как тяжело вырваться из этого заколдованного круга. Это почти невозможно, ты связана тысячами нитей долгов, просьб, обязательств, договоров, кредитов и всё это постоянно сопровождается скандалами, уговорами, мольбами, ползанием на коленях, угрозами... это невозможно остановить. Эта цепь всё туже и туже затягивает нас. Что нам эти деньги?! Конечно, ты права. Мы даже не смогли родить ребёнка. Мы купили дом на море и никак не можем съездить туда. По-моему, мы его купили для охраны, они не забывают напоминать нам о сроках оплаты жалованья. А мы сидим в холодном городе, утром едем в офис, вечером обратно. Музыка и новости

слушаем в пробках, даже на телевизор сил нет. Ужин и спать. Недавно мы решили сходить в кино, поверишь, мы оба заснули на половине картины. А ты говоришь – прислуга, красивая она или нет. Какая разница! Этот чёртов бизнес убивает в нас всё человеческое. Иногда я даже не знаю, что делать.

– Береги себя и свою семью. И не паникуй, ты сама сказала, что вы измените образ жизни, как только он получит новое назначение. Вырвите хотя бы недельный отпуск и куда-нибудь в деревню. Глядишь, и в ваших отношениях что-то появится, уж слишком холодом отдаёт. Со стороны вы похожи только на деловых партнёров. Тебя это что, устраивает? Ты всегда была такой задорной, весёлой. А теперь?

– Заметно? – грустно спросила Светлана.

– Не знаю, может быть, это только мне так кажется. Но учти всё, что кажется поначалу таким обыденным и незначительным, может неожиданно перерасти в огромную проблему. Будь начеку. Деньги – это ещё не всё. Они никогда не дают ни счастья, ни покоя. Они только притупляют чувства, усыпляют человека. На них можно что-то купить, но не более. Есть вещи сильнее денег. Намного сильнее. Иногда не мешает обращать внимания и на мелкие детали. Французы говорят, что в мелких деталях скрывается дьявол.

Прошли первые полгода работы Флоры на новом месте. Ею были довольны, она это чувствовала и стала более уверенной в себе. Ей нравилось работать здесь. И хотя дом был очень большим, но так всё было удобно устроено, что она почти не уставала. Строго следуя рекомендациям Тамары Константиновны, она ни с кем особо отношений не поддерживала. Из дома она практически никуда не выходила, только пару раз с экономкой она проехала в Москву. Один раз помогала ей подобрать летний костюм, а потом подарок для племянницы, которая выходила замуж. Тамара Константиновна постепенно привязалась к Флоре. Стареющая одинокая экономка души в ней не чаяла, заботилась о ней, по вечерам перед сном они долго разговаривали и это их очень сблизило.

Как и говорил Василий Александрович Белоусов, вскоре Захарова проводили на пенсию. В газетах о нём так и написали – «Последний советский финансист». А ещё через неделю Андрея Николаевича Струнина вызвали в Кремль. И хотя все знали зачем, но всё равно дом стоял «на ушах». Сбылось предсказание тестя – Андрею Николаевичу предложили занять пост начальника Управления министерства финансов. И хотя внешне жизнь после этого не сильно изменилась, но ощущение ответственности и большая нагрузка буквально обрушились на Андрея Струнина. Они переехали в новую квартиру в Москве, у него появилась охрана, в свой загородный дом они приезжали всё реже. Однако в самом доме всё было по-старому. Дом содержался в идеальной чистоте, каждую среду и субботу приходил садовник, долго и ворчливо бродил между кустами, деревьями и недовольно давал указания Тамаре Константиновне. Чаще, чем обычно приезжала Анна Петровна, иногда одна, иногда с Василием Александровичем. В субботу и в воскресенье дом заполнялся, постоянно приезжали какие-то гости или родственники, было много детей. Часто оставались ночевать, но особых хлопот они прислуге не причиняли. Наступал понедельник – и снова становилось тихо, безлюдно и уютно. Некоторое время Флора даже переживала, что её могут уволить за ненадобность, но Тамара Константиновна успокаивала её.

–Твоя зарплата – не такая уж большая нагрузка на их бюджет, не волнуйся, никто тебя не уволит. Приезжают они или нет, но кто-то должен вытирать пыль, – так говорила она чаще всего.

В тот день Тамара Константиновна ушла к себе раньше, чем обычно. Было около девяти часов вечера, с утра, не переставая, лил дождь. В такие дни она обычно чувствовала себя неважно, но когда хозяева были дома, она старалась скрыть это. Когда же их не было, она уходила к себе, а Флора делала всё одна. Ей это было не трудно. Начиная с третьего этажа,

она обходила все комнаты дома, проверяя их порядок на ночь, открытые окна, электроприбор, камины. Плотно закрывала двери, кое-какие на ключ. В коридорах оставляла ночной свет, проверяла кухонное оборудование, мусорные урны.

В девять часов вечера, если дома никого не было, она закрывала дверь дома и давала знак охраннику. Он приходил, проверял замок, включал «электронку» и желал ей спокойной ночи. Пока она шла к себе, он тем временем выпускал из специального помещения двух крупных псов – немецких овчарок, которые помогали ему охранять дом. Флору собаки любили и весело провожали её до самого домика, толкая друг друга, словно разминаясь после целого дня сидения в клетке.

Но в тот день, когда шёл сильный дождь, она не успела закрыть дом. Она ещё убиралась на кухне, когда сильный свет фар проскользнул по кронам сосен и почти мгновенно нервно просигналил автомобиль. Она узнала его по сигналу, это была машина хозяина дома. Флора даже не сообразила дать знать об этом Тамаре Константиновне. Она просто подумала, что та, вероятно, слышит звук машины и появится скоро сама.

Огромный чёрный джип Андрея Николаевича резко остановился прямо у дома, чего раньше никогда не было. Передними колёсами машина продавила мокрый ухоженный газон, но он даже не обратил на это внимания. Выскочил из машины и бросился в дом. Ни шофёра, ни охранника с ним не было. Нервная ситуация была налицо. Флора уже хотела бежать за эконожкой, но тут во двор буквально влетел спортивный «Мерседес» хозяйки. Также резко затормозив рядом с машиной мужа, Светлана Васильевна выскочила из автомобиля и побежала за ним следом.

– Андрей! Андрей! Подожди! Подожди, прошу! – крикнула она, ворвавшись в дом.

Он быстро поднимался по лестнице, всем своим видом давая ей понять, что не хочет слышать её.

– Да подожди ты! – ещё раз громко крикнула она и топнула по мраморному полу холла. Из-под удара каблука сверкнула искра и каблук сломался. Андрей остановился. Она, не задумываясь, скинула обувь с ног и поднялась по лестнице на пару ступенек.

– Ну что тебе!?! – зло спросил он, даже не бросив взгляда в её сторону.

– Мне – ничего! Я только хочу у тебя узнать, в чём моя вина? Ты мне можешь хоть что-нибудь объяснить? Хоть как-нибудь! Ты мне ничего не сказал, обиженно выскочил из кабинета и помчался домой. В чём дело? Ты – один из руководителей министерства, а ведёшь себя как мальчишка! Ты не думаешь, что будут говорить теперь твои подчинённые.

– Мне плевать, что будут говорить мои подчинённые, потому что я больше не вернусь в министерство! Плевать!

– Не сходи с ума! От чего ты так бесишься? У тебя был папа?

– Твой папа! – подчёркнуто ответил он ей.

– Понятное дело, – Светлана недовольно сжала губы и покачала головой. – Теперь он только мой. Ну и как прикажешь мне тебя понимать? Если ты мне ничего сейчас не расскажешь...

– Света, не делай вид, что ты не знаешь в чём дело. Я никогда в это не поверю!

– Но, Андрей, – она развела руками, – я, действительно ничего не знаю. Как мне убедить тебя? Я прошу тебя рассказать мне, что произошло, в конце – концов! Мне это нужно знать для того, чтобы говорить с ним.

– Я не верю тебе! Ты знаешь всё! Твой отец ничего не делает, не посоветовавшись с тобой, не надо держать меня за дурака, Света. Целый месяц я веду борьбу с Бурановым, разве твой отец не знает об этом!? А откуда ему это известно? От тебя! Ты всё рассказываешь своему отцу, а ведь это конфиденциальная информация, служебная. А сегодня появляется этот Буранов и подаёт документы на кредит именно в том единственно необходимом подходящем варианте. Кто его надомил!? Твой отец! Ты! Сколько вы получили от этого афериста? Миллион? Два?

– Буранов – не аферист, он председатель правления...

– Плевать! Мне ли не знать, какие деньги крутятся у него в банке. Я тебя серьёзно предупреждаю, он плохо кончит!

– Чёрт с ним! Плохо он кончит или хорошо! Он друг моего отца! Они дружат сто лет! У него официальная заявка, почему бы тебе не подписать её. Что с тобой случится? Ты подписываешь в день десятки таких бумаг.

– Не смей! Не смей! – Андрей Николаевич почти кричал на неё. – Ты обещала мне никогда не пользоваться нашими отношениями! Таким, как он, нет кредита. Ни в одном государственном банке он его не получит ни под какие гарантии. Пусть идёт к частникам. Почему он не идёт к частникам? Что он присосался к нашему банку!

– Ну, хорошо, я не знаю, зачем Буранов присосался, как ты выразился, к нашему банку. Я с тобой согласна. Пусть идёт куда хочет. Это всё?

– У меня – да. Прошу тебя, избавь меня от объяснений. Я устал.

Не дожидаясь её реакции, Андрей Николаевич быстро прошёл в свою комнату, захлопнул дверь и демонстративно громко закрыл её на ключ.

– Ну и чёрт с тобой! – зло огрызнулась Светлана Васильевна, но так, не совсем громко, будучи уверенной, что он не услышит. С минуту она постояла на лестнице, а потом повернулась обратно. Подняла с пола обувь со сломанным каблуком, немного покрутила её в руках, а потом швырнула в сторону его двери.

Медленно прошла по холлу и вошла в столовую. Ей захотелось выпить. Она открыла большой кухонный холодильник, но не нашла там ничего подходящего. Выпивку в доме они не держали. Совсем немного и только на домашнем складе. Светлана Васильевна бросила взгляд на кухонные шкафы. В одной стеклянной дверце она случайно увидела отражение. Она резко повернулась. В углу столовой, почти прижавшись к стене, стояла Флора. Она стала невольной свидетельницей скандала, но выскочить из дома незамеченной она всё – равно не смогла бы.

– Что вы здесь делаете?! – почти крикнула хозяйка.

– Я...я... – от страха она не смогла вымолвить ни слова. – Я убирала...

– Вы что, подслушиваете? – не дала ей придти в себя Светлана Васильевна. – Кто вам разрешил здесь находиться?! В это время!

– Нет, нет, это не так, мадам... – попыталась оправдаться Флора, – я не успела уйти.

– Сто раз говорила вам, не называйте меня мадам! Неужели не понятно? – она схватила первую попавшую чашку со стола и швырнула её на пол.

– Понятно. Простите. Я больше не буду. Я закрывала дом на ночь... вы подъехали так неожиданно, я просто не успела уйти вовремя.

– Где Тамара Константиновна? – строго спросила хозяйка дома.

– Она плохо себя чувствует, попросила меня...

– Если она себя плохо чувствует, то пусть лечится в больнице, а не в моём доме. Передайте ей это. И пусть вас заберёт с собой. Идите! Убирайтесь! И чтоб утром вас здесь не было.

Утром Флора всё рассказала Тамаре Константиновне. Та спокойно выслушала её, немного пожурила и также спокойно сказала:

– Тебе надо было разбудить меня. Спасибо, конечно, ты очень заботливая, но я тебя предупреждала – никогда не разговаривай с хозяйкой! Тем более, ты случайно стала свидетельницей её скандала с мужем. Они постоянно ругаются с тех пор, как Андрей Николаевич получил назначение в министерство. А она не любит выносить сор из избы. Поэтому забудь о том, что ты видела и слышала, словно ничего и не было. Поняла?

– Я не пойду больше в дом. Она меня вчера выгнала, как собаку.

– Перестань, Флора. Успокойся. Это часть твоей работы, – выслушивать претензии хозяев. Не нагнетай! Сделай вид, что ничего не случилось. Она и не вспомнит.

– Она меня оскорбила, – со злостью прошептала Флора. – Последними словами.

– Не злись. Забудь про оскорбления. Если не научишься пропускать их мимо ушей, то тебя надолго не хватит. Не забывайся – ты прислуга. Не хочешь идти – не надо. Сиди здесь. Я пойду и всё разузнаю. Уверена, что она уже всё забыла. Отдохни пока и не забивай голову тараканами.

Тамара Константиновна ушла, а Флора осталась одна. Она бросилась на кровать и с удовольствием вытянулась.

Конечно, добрая экономка права. Она всего-навсего прислуга, стоит ли строить из себя, чёрт знает что. Оскорбление. Да разве это оскорбление?! Флора с содроганием вспоминала, как её отец оскорблял мать. И не просто оскорблял, но и лупил при этом всем, что попадало под руки. При всех. При детях, при соседях. Дня не было, чтобы он пьяным не устраивал какой-нибудь очередной скандал. Да она его и трезвым-то никогда не видела. Когда он умер от этой своей проклятой водки, Флора была ещё маленькой. Но она помнила, как втихомолку радовались все вокруг, а мама постоянно плакала. Странная всё-таки эта штука жизнь. Как-то отец сказал ей, никогда не прощай оскорблений, простишь один раз, потом об тебя постоянно будут вытирать ноги.

Флора и не заметила, как провалилась в сон. А когда проснулась, то с ужасом заметила, что проспала всё утро.

– Ты проснулась? Молодец. А я не хотела тебя будить, как говорится, долг платежом красен. Вчера ты мне дала поспать, сегодня – я. Раз проснулась, то давай, поднимайся. Работы много.

– Я... вы её видели? Тамара Константиновна?

– Я же тебе говорила, чтобы ты не забивала голову разной ерундой. Вот возьми, это тебе. Как видишь, я оказалась права.

Тамара Константиновна положила прямо перед ней на кровать белый плотный конверт.

– Что это, Тамара Константиновна? Расчёт? – с замиранием спросила Флора.

– Нет, – улыбнулась экономка. – Я же тебе сказала, что никто тебя не уволит. Это извинения от Светланы Васильевны. Она мне ничего не рассказывала. Но спросила, знаю ли я об инциденте вчера вечером. Была достаточно любезна. Я ответила, что в общих чертах. Она вежливо добавила, что немного погорячилась и просила передать тебе вот это. Там деньги, считай, что это премия за хорошую работу. Я бы не возражала, чтобы она покричала на меня тоже, ну хотя бы раз в неделю. С условием, конечно, что извинения будут в конверте.

Флора улыбнулась. Она была рада тому, что всё так быстро и чудесно разрешилось. Ей нравилось здесь работать и она никуда уходить отсюда не собиралась.

Андрея Николаевича Флора почти не видела, за полгода пять-шесть раз, когда помогала Тамаре Константиновне обслуживать редкие приёмы. В этом доме они жили замкнуто. Всё, что было необходимо для поддержания внешнего лоска или, как принято говорить, имиджа, происходило в московской квартире. Здесь хозяева предпочитали одиночество. Почти перестали навещать Анна Петровна и Василий Александрович. Тамара Константиновна даже сказала как-то, что вполне возможно, что хозяева продадут дом. Большой объём работы отнимал много времени у Андрея Николаевича, ему уже было трудно и неохота добираться за город. К тому же, эти злосчастные пробки могли испортить настроение кому угодно. Тратить каждый день только на дорогу два – три часа было абсолютно неприемлемо для них. Хоть вертолёт покупай.

Уже в середине февраля неожиданно наступило тепло. Казалось, что конец зиме и уже весна не за горами. Раннее солнышко расслабило людей и тут через неделю снова ударили морозы. Да ещё какие! Полгорода свалилось от гриппа, Тамара Константиновна еле стояла на ногах, а Флоре часто приходилось работать и за неё. Но она справлялась и не жаловалась.

– Флора, звонила Светлана Васильевна. Сегодня они ужинают дома. Я уже вызвала повариху. Пройдись ещё немного по дому, повнимательнее. Протри листья пальм в холле, мне кажется, что я видела на них пыль.

– Это был просто отблеск от новых ламп, Тамара Константиновна, я протирала их сегодня утром. Я и вчера их тоже протирала.

– Всё равно, посмотри ещё раз. Вытащи из кладовки вино и обязательно тщательно протри бутылки. Сначала влажной тряпкой, потом сухой.

– Хорошо. Какую посуду готовить к ужину?

– Возьми сиреневый сервиз на шесть персон, тот, который с золотой каёмкой по краю, салфетки, приборы. На стол поставь хрустальный кувшин, подбери цветы.

– Да, Тамара Константиновна, я поняла.

– Умница! Раз поняла, то иди в дом и начинай, они ещё не скоро приедут. А я съезжу на базар за свежими овощами.

Ужинали хозяева с гостями. Тамара Константиновна отправила Флору отдыхать и справлялась одна с поварихой. Пришла она поздно, Флора не ложилась и ждала её.

– Устали? – спросила она у экономки.

– Немножко. Андрей Николаевич совсем слаб. Поэтому они сюда и приехали.

– Что-то серьёзное? – спросила Флора.

– Грипп. Сейчас всех валит. Ты держись, пока ты одна у нас здоровая, я еле на ногах стою. Светлана Васильевна хотела вызвать врача для мужа, но решили подождать до утра. Давай, побыстрее ляжем спать, чувствую, что завтра будет тяжёлый день.

Так и случилось. Утром приехал врач и почти целый час возился с Андреем Николаевичем. Флора видела, как Светлана Васильевна провожала доктора. Они ещё немного постояли у ворот, что-то оживлённо обсуждая, пока он не сел в машину. Светлана Васильевна вернулась в дом, некоторое время давала указания Тамаре Константиновне, потом быстро собралась и в сопровождении охранника уехала.

– Начинаются горячие деньки, – Тамара Константиновна вернулась в дом, – хозяин болен, теперь вся семейка постоянно будет здесь. Она уже позвонила Анне Петровне, та прибудет вечером. Следом, естественно и Василий Александрович. Скорее всего, и документы на подпись будут привозить курьеры. Будут приезжать друзья и сотрудники, обеспокоенные состоянием здоровья своего начальника Управления. Так, что работы будет много. Надо быть к этому готовым. Поняла, Флора?

– Конечно. А что врач? Я его вижу в первый раз, важный какой-то.

– Это их семейный врач, слава богу, что пока он не часто бывает нужен. Он работает в кремлёвской клинике. Ладно, а теперь о делах. Я на рынок, надо набрать продуктов. Ты собери бельё, прачечная прибудет к обеду. Я, наверное, не успею, обязательно скажи им, что я недовольна гладкой. Прошлый раз всё постельное бельё было в складках, ещё раз повторится, мы подберём другую компанию. Обязательно скажи.

– Непременно. А Светлана Васильевна?

– Она приедет только к ужину, я постараюсь обернуться к обеду. Остаёшься одна. Не скучай.

– Не придётся. Пока разберусь с бельём.

– Да, и ещё. Зайдёшь в дом, посмотри в столовой. Я там накрыла для Андрея Николаевича, он, наверное, уже позавтракал. Убери посуду и прибери немного в столовой. Только тихо, чтобы не мешать ему. Он работает у себя в кабинете. Не задерживайся в доме надолго. Потом можешь разобраться в кладовой. Подготовь место, я привезу много продуктов.

Просигналила машина, Тамара Константиновна махнула шофёру рукой. Флора проводила её взглядом, и когда охранник закрывал за ними ворота, пошла в дом.

В доме было тихо, еле слышно играла музыка наверху. В столовой было накрыто, но к еде никто не прикасался. Она немного подумала и вдруг приняла решение. Не спеша, поднялась на второй этаж и подошла к двери кабинета. Оттуда лилась лёгкая музыка. Несколько раз она тихо ударила по двери.

– Света? – прозвучало в ответ. – Это ты?

Флора постучала ещё раз.

– Тамара Константиновна? Это вы? Кто там? Войдите.

Она вошла. Андрей Николаевич сидел за компьютером, перед ним на столе лежали раскрытые газеты и куча каких-то бумаг. Он был одет в домашнюю одежду, в тапочках, вокруг шеи был весь обмотан шарфом. Флора вошла и остановилась у дверей, он смотрел на неё и молчал в ожидании.

– Ваш завтрак, Андрей Николаевич. Простите, что побеспокоила, но мне надо убирать в столовой. А вы не позавтракали.

Он молчал, но она чувствовала, что он смотрит на неё с интересом, разглядывает. Она не могла этого не почувствовать.

– Убирайте, – наконец-то ответил он и пошутил, – или я должен вам помочь?

– Нет, – улыбнулась она. – Я справлюсь сама. Но вы не позавтракали, если хотите, я могу подогреть.

– А что там подогреть, манную кашу и яблочный джем. В этом доме все помешались на диетах. Нет, нет, ничего не надо. Я потерплю, дождусь обеда, может быть, на обед попробую немного жареного мяса. Надеюсь, что к этому времени не умру от голода.

– У вас высокая температура, вам надо хорошо поесть и лежать в постели.

– Спасибо за заботу, а вас, кажется, зовут Флора.

– Да, – тихо ответила она.

– Красивое имя и несколько необычное здесь. Вам оно идёт. А где Тамара Константиновна?

– Она уехала на рынок за продуктами. Будет только к обеду.

– Они, наверное, решили меня голодом лечить. Когда она придет, передайте ей, что мне понравился завтрак. Пусть она таким завтраком кормит Светлану.

– Простите, Андрей Николаевич, я не хотела бы, чтобы она знала, что я заходила к вам. Мне не разрешают это делать.

Он немного помолчал и смущенно улыбнулся.

– Вот как? Ну, хорошо, теперь между нами будет тайна.

– Спасибо. Извините.

Она вышла из его кабинета и спустилась в столовую. Быстро убрала со стола и отправилась на кухню. Смотрела в окно и о чём-то сосредоточенно думала. Ещё три – четыре часа дома никого не будет. Для неё это был шанс.

Она бросилась в кладовку, достала из холодильника большой кусок домашнего бекона. Отрезав большой ломоть, она вернулась в дом. Быстро поставила на плиту большую сковороду и, дождавшись, когда она нагреется, бросила на неё целую кучу мелко нарезанного свиного сала. Зашипело, потом пошёл аромат жареного мяса. На всякий случай, Флора усилила кухонную вытяжку. Нарезав бекон на небольшие куски, она положила их на тающее сало и накрыла сковороду крышкой. Вытащила чёрный бородинский хлеб, на маленькой тарелке выложила немного брынзы, немного солёных огурчиков и немного редиса. Отдельно в глубокую фарфоровую салатницу она положила солёную капусту, перемешала её с мелко нарезанным репчатым луком и заправила подсолнечным маслом. Бекон уже почти поджарился, она сняла крышку и залила мясо тремя крупными яйцами. Вытащила бутылку «Русского стандарта», она наполнила водкой гранёный стакан, а сверху налила немного томатного сока, щепотку чёрного молотого перца, ложку мёда и выжала сок одного лимона. Перемешала всё это и накрыла блюдцем. На всё это у неё ушло около пятнадцати минут.

Накрыв на стол в столовой, она опять поднялась наверх. И опять тихо постучалась. Он ответил. Она вошла.

– Я накрыла вам завтрак, Андрей Николаевич. Я очень прошу вас спуститься и позавтракать.

– Я же сказал вам, Флора, что я не хочу есть такой завтрак, не утруждайте себя. Если хотите, то можете всё убрать, – вежливо отказался он. – Или съест его сами.

– Андрей Николаевич, я учла ваше состояние. Я накрыла совсем другой завтрак, – она сделала акцент, – вам только надо спуститься. Желательно не дать остыть. Прошу вас, я старалась.

Через пару минут он весело орудовал вилкой. Немного перекусив, он взял в руки гранёный стакан с водкой и посмотрел его на свет.

– Мутная какая-то. Что это, Флора? Самогон?

– Водочный коктейль «Смерть гриппу!». Рецепт моего отца. Перец, лимон, мёд, томат и водка. Утром даже не будете помнить, что болели. Попробуйте.

– Я немного боюсь, – признался он, продолжая разглядывать содержимое стакана.

– Чего? – засмеялась она. – Что я вас отравлю?

– Нет. Я никогда не пил водку стаканами, – он пожал плечами, – просто не приходилось. Я думаю о последствиях.

– Выбор за вами, Андрей Николаевич. Принимайте решение. Или народный коктейль «Смерть гриппу» или нудный кремлёвский врач. Мне кажется, что он радовался, узнав о том, что вы заболели. Лечить вас он будет долго и с переменным успехом. Как же, светило!

Андрей Николаевич засмеялся. Смеялся долго и с удовольствием.

– Точно. Тогда выбираем народный коктейль. Оставим нашего доктора без работы. Пусть лечит своих кремлёвских клиентов! Честно говоря, он мне никогда не нравился.

– Отличное решение! Постарайтесь выпить залпом, не растягивайте удовольствие, – посоветовала она, – это не тот случай и не тот коктейль.

– Постараюсь, – заверил он её и шумно выдохнул весь воздух из лёгких.

Он выпил, почти минуту сидел с широко раскрытым ртом, под аккомпанемент её смеха и размахивал ладонями. Потом продолжил завтрак с нескрываемым удовольствием и аппетитом. Вскоре опустели тарелки и салатницы. Он бросил салфетку и вышел из-за стола довольный и весь покрасневшийся.

– Спасибо, Флора. Кажется, я начинаю выздоравливать.

– На здоровье, Андрей Николаевич.

– Я давно так не завтракал, вернее, никогда так не завтракал. А теперь, скажите мне, пожалуйста, вот это завтрак тоже будет нашей тайной?

– Да. Если вы хотите, чтобы я работала здесь.

– А какие ещё рецепты от простуды были у вашего отца? – спросил он.

– Вы хотите вылечиться?

– Мне нельзя болеть, Флора. Это может плохо кончиться для меня. У меня слишком ответственная работа, она требует меня всего и всегда.

– Хотите, я разотру вас скипидаром – просто предложила она.

– Скипидаром? – у него округлились глаза.

– Вы, наверное, не знаете, что это такое.

– Мне утром делали растирание, даже не знаю, – было видно, что он немного замешкался и слегка покраснел, – правда, я не знаю, чем меня растирали.

– Думайте только о своей болезни, ни о чём другом. Я работала медсестрой и у меня есть опыт. Время ещё есть. Идите и ложитесь, разденьтесь полностью. Я сейчас приду. Мне только надо развести скипидар и немного подогреть его.

Когда она пришла, Андрей Николаевич уже лежал, укрывшись толстым одеялом. В комнате было тепло, музыка всё ещё играла. Флора задёрнула толстые портьеры, комната сразу погрузилась в темноту. Она взболтнула бутылку с разведённым скипидаром, подошла к нему

и стянула с него одеяло почти по пояс. Намочив чистую мягкую тряпочку, она прошлась ею по спине. От неожиданности он вздрогнул.

– Не бойся, – тихо, почти шёпотом сказала Флора. – Это не больно. Надеюсь, запах не задержится надолго. Постарайся заснуть.

Сначала она протёрла скипидаром всю его спину, потом выдавила на руки большую массу приятно пахнущего крема и принялась растирать его. Он не удержался и застонал от удовольствия. Умелыми движениями она искала его болевые точки, её руки снимали напрочь всё напряжение, её пальцы прошлись по всему телу, пробрались даже в уши и, казалось, растёрли барабанные перепонки. По одной косточке, начиная с самого верха позвоночника, она почтиобнажала его шейные и спинные позвонки. Растерев докрасна спину, её руки опустились вниз, к ногам. Мягко поломав пальцы на ногах, каждый в отдельности, она ногтями буквально впиалась в стопы. Сильными движениями пальцев она выдавливала тяжесть с ног. Он чувствовал, как ноги становились лёгкими и мощными. Иногда он чуть не кричал от боли. Но потом наступало удивительное облегчение. Всё тело наливалось неизвестно откуда взявшейся силой, болезнь уходила, она сдавалась. Флора перевернула его на спину, села ему на пояс и стала обтирать скипидаром грудь и руки.

– Больше никаких рецептов у тебя нет, Флора? – еле слышно произнёс он в темноте. Ему вдруг показалось, что он куда-то улетает.

– Есть. Ещё один. Хочешь? – также тихо ответила она ему, приблизив своё лицо к нему почти вплотную. Он видел совсем рядом её губы, её нос, щёки, родинку на правой щеке, ровные белые зубы. Чувствовал её тёплое дыхание и её запах околдовал его. Андрей оцепенел. Какая же она красивая, подумал он про себя.

– Хочу, – словно проваливаясь в бездну, сказал он из последних сил.

– Тогда закрой глаза. Сейчас ты попадёшь в рай.

Тамара Константиновна оказалась права. Вечером дом был полон родственников, сослуживцев хозяев и гостей. Импровизированный банкет удался на славу. Флоре пришлось помогать Тамаре Константиновне, обслуживать гостей за ужином. За столом было не менее двадцати человек. Андрей Николаевич был в приподнятом настроении, это передалось всем за столом, и ужин проходил весело. Такого в доме давно не было. Шутили, что Андрей притворился больным, чтобы собрать друзей и попойнствовать. Светлане Васильевне нравилось это, особенно, что Андрей незаметно помирился с папой. Она была удивлена его необычному и скорому выздоровлению, это её радовало. Если бы сама не видела его состояние утром, то никогда не поверила бы. Она так и сказала врачу по телефону:

– Нет, нет, Яков Илларионович, температуры нет... абсолютно нормально. Чувствует себя хорошо. Да, я оставила ему утром лекарства, которые вы выписали. Очень помогли и так быстро. Спасибо вам. Я думаю приезжать нет нужды, к тому же Андрей завтра уже хочет выйти на работу. Нет, нет... поверьте, я его знаю. Он здоров. Сейчас мне вообще кажется, что даже слишком. Я оставлю ваши рецепты у себя, а завтра утром я отправлю вам чек. До свидания.

Ужин затянулся допоздна. Гости начали разъезжаться ближе к полуночи. Родители Светланы Васильевны остались ночевать и ещё некоторое время они сидели в столовой и пили по-семейному чай.

Флору экономка отправила отдыхать и справлялась с уборкой сама с помощью кухарки. Закончили убирать очень поздно. Дом уже погрузился в сон. Тамара Константиновна пошла к себе, тихо открыла дверь и не зажигала свет, боясь разбудить Флору. Но так, на всякий случай она почти шёпотом спросила:

– Ты спишь, Флора?

Ответа не последовала. Наверное, спит, подумала экономка и пошла принимать душ. Но Флора не спала. Она просто лежала с закрытыми глазами. Она любила просто лежать в темноте.

Уже через день Андрей Николаевич почувствовал какое-то особенное состояние. Он не понимал сначала, что это такое. Но очень скоро он остро и чётко осознал суть произошедших событий. Резаной болью в сердце он понял, что ему стало не хватать Флоры. Что произошедшее в тот день было не простой интрижкой. Он думал о ней, и тогда его бросало в пот. Желание увидеть её, ощутить тот самый запах овладело им безраздельно. Он не мог найти себе места. Ему казалось, что он всё ещё чувствует мягкие подушечки её красивых пальцев, её сильные руки и плавные линии её невероятно пахнущего тела.

Андрею Николаевичу Струнину было уже 45 лет. Время, когда юношеские грёзы уже давно сменились прагматикой и реальностью бытия зрелого мужчины. До Флоры ему казалось, что всё у него уже было. И едва памятная первая любовь, и первый поцелуй, первая недолгая связь и другие связи. Женщины в его жизни занимали не последнее место. Ему казалось, что он дока в любви, что он уже многое видел, если не сказать всё. И десять лет семейной жизни со Светланой тоже были не без любовной искры. Они любили друг друга, ценили свои отношения и умели находить компромиссы. И ласки между супругами всё ещё были страстными, желанными. Несмотря на то, что совместная деятельность супругов не обходилась без конфликтов, они всё-таки умудрялись сохранить любовь и дружбу. Ему казалось, что он так и проживёт в своём тихом уютном гнёздышке, под опекой любимой жены. Он даже подумывал о том, что когда-нибудь займётся своим истинным призванием – научной деятельностью. Андрей предвидел свою жизнь лет на десять вперёд.

Одного он не учёл. Теперь он вдруг ясно осознал, что жизнь – это не бизнес – проект, её практически невозможно рассчитать без ошибок. Он не учёл, что в его жизни может появиться Флора. Загадочная, красивая, полная невообразимых соблазнов девушка. Тайна. Искушение. Кто она? Откуда она взялась? И почему она появилась на его пути? Почему? В огромном мире, где люди, их характеры, их желания, их страсти ежеминутно, ежечасно сталкиваются по воле судьбы, вдруг появляются двое, которые чувствуют, что они нашли то, что искали. Есть ли тут закономерность? В чём она? Как понять это? Как это принять? И как в это, вообще, поверить? И можно ли этого избежать? И к чему это может привести?

Ему вдруг показалось, что он ждал её очень долго. Всегда. Но он не знал, что делать теперь. Андрей понимал, что он по-детски наивен, может быть и не стоит придавать такое значение этому событию. Вообще – то, он славился своим воспалённым воображением, друзья замечали в нём привычку раздувать обычные незначительные происшествия до грандиозных событий. Обстоятельства, ситуация, вполне возможно, что для неё это не в новинку. Но он тут же отбросил эту мысль, ему не хотелось думать плохо о ней. Что она могла найти в нём? Он не молод, далеко не красавец. Деньги? Они даже не говорили об этом. Какие могут быть у них перспективы? Никаких! Так и есть, он опять начал анализировать. Профессиональная привычка. Может быть, просто постараться обойтись как-то без неё. Не видеть, не слышать, так и пройдёт. Дать денег и попросить её забыть об этом, найти ей другое место? Во что может всё это вылиться?! Готов ли он сам к этому? Конечно, он стареет, какие-то мысли крутятся в его голове, он просто не знает, что ему делать. А всё потому, что ему хочется видеть её всё время, любить её всегда! Господи, кажется, он попал в омут и уже не сможет жить без неё. Как же ему не хватает её сейчас! Спрятаться в ней, укрыться, забыть всё, ощутить её близость. Снова и снова он вспоминал её, бросить всё и найти её сейчас, немедленно!

– Мы приехали, Андрей Николаевич.

– Что?

Струнин очнулся и посмотрел по сторонам. Шофёр повернулся к нему и повторил:

– Мы приехали, Андрей Николаевич. Центробанк.

– Да. Спасибо.

Андрей Николаевич шёл на совещание, но думал только об одном. Как ему увидеть Флору? Эта мысль не давала ему покоя. Как?! Как!? Как?!

Секьюрити проскочили вперёд и распахнули перед ним тяжёлые дубовые двери. Навстречу ему уже шёл улыбающийся Председатель правления и ещё издали протягивающий руку. За ним следом шёл Василий Александрович Белоусов.

– Здравствуйте, Андрей Николаевич, – поприветствовал его Председатель, – правление уже в сборе. Ждём вас.

– Надеюсь, вам не пришлось долго ждать меня, – сказал Струнин и пожал руку тестю.

– Я вижу, что ты окончательно поправился, – хлопнул его по плечу Белоусов, – надо же, так быстро. Ты даже суток не пролежал.

– Вам бы, наверное, хотелось, чтобы я умер в кровати. Шутка, – поспешил он добавить, с удовольствием наблюдая, как у того начинает отвисать челюсть.

Председатель правления ещё что-то объяснял ему по дороге, но Струнин его уже не слышал. Он ни с кем, ни о чём не хотел говорить и просидел на этом совещание, думая только об одном – как можно быстрее увидеть Флору. Поговорить с ней, разобраться и понять, что с ним происходит. Больше всего на свете ему хотелось обнять её сейчас, ощутить её тело, её запах, укрыться в ней и забыть обо всём на свете.

Но это оказалось не таким уж и простым делом. Андрей Николаевич был публичным человеком, он не сомневался в том, что каждый его шаг, каждое его действие находится под неусыпным контролем, вольным или невольным. И общества, и медиа, и семьи. С этим ему приходилось считаться. Он давно уже чувствовал эти ограничения и привык к ним. Он приспособился к несвободе, потому что ему нечего было скрывать. Он жил стандартной жизнью большого государственного чиновника. Но теперь несвобода впервые стала его душить, несвобода стала ему мешать. Мешать жить так, как он хочет. Андрей Николаевич не знал, как ему встретиться с Флорой и поговорить с ней. Подойти к ней просто так он не мог, это могло вызвать массу неприятных расспросов в семье. Кроме этого, это могло привести к неприятным последствиям и для самой Флоры. Светлана может быть не так уж и ревнива, но репутацию семьи она очень бережёт. Флоре точно не поздоровится, а Андрей не хотел быть причиной её увольнения. Заболеть ещё раз? Но удастся ли повторить ситуацию? Написать ей записку? Но это уже неопровержимый документ, если он выплывет, то слухов будет – не оберешься. Да и потом, кто передаст записку? Тамара Константиновна обязательно выслужится перед Светой. Его шофёр? Андрей знал, что тот уже почти год как стучит на него Белоусову, рассказывает о каждом его шаге. Он даже знал за сколько. Будь проклято это его положение! Какая должность, какие деньги, если ты раб всего вокруг. Ты – раб всех! Ты ничего не можешь сделать без оглядки на обстоятельства! Остаётся только он сам, других вариантов нет. Надо смоделировать ситуацию, при которой он приедет в Полбино один, без Светы. Ему это ни разу не удавалось. Как-то так получилось, что они все свои дела подстраивали друг под друга. Если оставались в Москве, то обязательно вместе, если отправлялись в загородный дом – тоже вместе. Отдых, отпуск – всё всегда вместе. Конечно, это сразу вызовет подозрения и обиду Светланы. Чтобы то ни было, но он не хотел её обижать. Андрей Николаевич предпочитал, чтобы она ничего не узнала. Надо было что-то придумать, чтобы он оказался в Полбино один, без неё.

Повезло, и случай не заставил себя ждать. Не прошло и двух дней после того заседания в Центробанке. Светлана позвонила ему днём и грустно сказала:

– Андрей, у мамы умерла подруга, соседка. Ты ведь помнишь её, Татьяна Михайловна Холина, она приезжала к нам несколько раз, тихая такая старушка. Похороны завтра, но сегодня вечером я хочу заехать к маме.

– Да, я её хорошо помню. Я думаю, что Анне Петровне будет приятно, если и я приеду с тобой. Как ты считаешь? – спросил он.

– Спасибо, – с благодарностью согласилась Света, – ей это действительно будет приятно. Тогда я заеду за тобой? У тебя нет ничего важного на конец дня?

– Есть. Но я отложу. Заезжай за мной в шесть, поедем вместе. Я отпущу свою машину.

Вечером они уже были у Анны Петровны, на Фрунзенской набережной. В квартире было несколько женщин в тёмной одежде, в характерных чёрных платках. На столах стояли иконы, горели свечи, пахло мятой. Андрей думал, что они пробудут там недолго. Он посидел немного для приличия, выразил свои соболезнования подругам покойной. И не мог, конечно, не почувствовать как была довольна тёща.

– Может быть, мне остаться, – сказала Света. – Я давно не была у мамы, ей так плохо. Как ты думаешь, Андрей?

– Конечно, побудь с ней. Мне кажется, что она будет рада. Похороны завтра?

– Да. Днём. Но ты не приезжай, мама очень довольна, что ты приехал сегодня. Куда ты поедешь? В Полбино или переночуешь в Москве?

– Наверное, в Полбино. Мне надо немного поработать... – он с трудом верил в такую удачу, она ещё что-то говорила, но он уже думал только о встрече с Флорой. И ещё, лишь бы за город неожиданно не нагрнулся выпить вина папа Белоусов, тот любил такие «сюрпризы» более всего на свете.

– Я позвоню, чтобы они ждали тебя и приготовили ужин. Возьми мою машину, а утром можешь заехать за мной.

– А Василий Александрович? – осторожно, словно невзначай, спросил Струнин. – Его не будет? Может быть, мне заехать за ним?

– Папа? Разве я тебе не говорила? Он уехал на Истру, к своему другу – генералу на два дня. Он приедет на похороны завтра, прямо оттуда.

Всё складывалось как нельзя лучше. Андрей Николаевич мчался в Полбино и пробки, к которым он уже успел привыкнуть, впервые стали сильно раздражать его. Он сигналил, как все, размахивал руками, как все, показывал разные угрожающие знаки всем вокруг.

– Светлана Васильевна звонила, я в курсе. Я неплохо знала Татьяну Михайловну, она приезжала сюда несколько раз. Бедная старушка, очень, очень жаль... она, наверное, болела...

Тамара Константиновна встретила хозяина дома у входа и провожала его в дом, в ожидании каких-нибудь распоряжений.

– Ужин готов, Андрей Николаевич. Вы будете один?

– Да. Скорее всего. Но оставьте, мне сейчас надо немного поработать. Я позвоню вам через некоторое время.

– Где мне накрывать? – спросила она.

– Я позвоню вам, – ещё раз повторил он, распахивая входную дверь. Экономка оставалась последней преградой, как отправить её куда-то без подозрений, он не знал. Но неожиданно она сама пришла ему на помощь.

– Андрей Николаевич, – тихо обратилась она к нему, – мне очень неудобно обращаться к вам, но дело в том, что...

– Говорите, – чуть ли не крикнул он, чувствуя, что сегодня ему должно повести до конца, – что у вас случилось? У меня мало времени и вы меня задерживаете.

– Я хочу попросить вас, я ведь не знала, что вы сегодня приедете. Сегодня день рождения моей единственной племянницы, я должна была уже быть там, – просящим голосом, сжав ладони в кулаки, она крутила ими под подбородком. – Ужин готов, если вы позволите, то я бы съездила к ней на пару часов.

– Кто остаётся дома?

– Охрана на своём месте, а в доме Флора. Я приеду рано утром, завтрак будет вовремя, не волнуйтесь.

– Хорошо. Езжайте. Если опаздываете, то вызовите такси. Я оплачу вызов, – он чуть не поблагодарил её.

– Спасибо, Андрей Николаевич. Но я не хотела бы...

– Тамара Константиновна, не тяните, мне некогда! – раздражённо перебил он её, испугавшись вдруг, что она передумает.

– Я не хотела бы, чтобы Светлана Васильевна знала об этом, она не любит, когда меня нет дома. Прошу понять меня правильно.

– Хорошо, я ей ничего не скажу. Но и вы сами не проболтайте, а то поставите меня в неловкое положение.

– Спасибо. Я пойду собираться и предупрежу Флору.

– Скажите охране, чтобы не беспокоили меня по мелочам. Считайте, что меня нет. Распорядитесь, чтобы ужин подали в столовой через полчаса, я буду один. Всё.

Через полчаса Андрей Николаевич сидел за столом в столовой. Вяло ковырялся вилкой в тарелке. Пригубил немного вина. Есть не получалось, аппетита не было совсем. Он знал, что она рядом. Через стенку на кухне. Но как позвать её, он чувствовал растерянность и не знал, что делать дальше. Он даже улыбнулся, почувствовав себя мальчишкой, который стесняется признаться в любви.

Флора не появлялась, по существующим правилам она ждала, когда закончится ужин и столовая освободится. Андрею Николаевичу было неудобно, он понимал, что у него преимущество хозяина дома, у него преимущество его положения. Но надо было что-то решать, второй раз такой удачи могло бы не быть. Он встал из-за стола и пошёл на кухню.

Флора стояла у окна, когда он вошёл. Она услышала его шаги и резко обернулась. «Господи, какая же она красивая!» подумал он про себя и, не зная, что сказать, только и смог кивнуть головой.

– Я могу убирать? – спросила она.

– Нам надо поговорить, Флора, – он пришёл в себя.

– О чём, Андрей Николаевич? – ожидание проскользнуло в её взгляде.

– Я прошу тебя, вас, я прошу тебя, сядь, – он подошёл к ней поближе и показал на рядом стоящий стул.

– Мне запрещено разговаривать с вами, не забываете, я здесь служу. Если у вас есть какие-то претензии, то вы можете обратиться к Тамаре Константиновне, – неожиданно холодно сказала она ему.

– Я не об этом, Флора. Подожди немного, я не об этом, то есть я не о службе. Я о том, что произошло между нами тогда, три дня назад. Ты забыла?

– Что произошло между нами? Когда? Вы были больны, и я просто приняла участие в вас. Это милосердие. Ничего более.

– Милосердие? Флора, побойся бога, я не нахожу себе места уже четвёртый день. О каком милосердии ты говоришь?! Нам надо объясниться.

– О чём? В чём вы хотите объясниться со мной? У меня нет к вам никаких претензий, я не думаю, что между нами произошло что-то необычное. Обычная история между мужчиной и женщиной. Такое бывает довольно-таки часто.

– Я не верю в обычные истории. Для меня это необычная история, Флора. Я не могу забыть эту историю, она снится мне.

– Может быть. Забудьте об этом и не напоминайте мне, пожалуйста. Я дорожу этим местом и не хочу его потерять. Я не привыкла играть в такие игры. У меня нет ничего, кроме этой работы. Прошу вас.

– Я смог бы позаботиться о тебе, – осторожно предложил Андрей Николаевич.

– Нет! – резко остановила она его. – Нет! Никогда не говорите мне так! Я вполне самостоятельна и в состоянии заработать себе на кусок хлеба.

– Ты меня не так поняла, и я не хотел тебя обидеть. Просто... в тот день всё было так... необычно для меня. Во мне что-то произошло, Флора. Что-то изменилось во мне. Поверь мне. У меня никогда так не было.

– Что необычного в том, что произошло между нами? – она едва сдерживала улыбку. – Не смешите меня, это обычная история. Я могу идти, Андрей Николаевич?

Её холодность обескуражили его, он даже не знал, что говорить дальше.

– Мне надо убирать в столовой. Я прошу вас, не задерживать меня, – довольно – таки сухо повторила она свою просьбу. – Прошу вас, разрешите мне уйти.

– Да. Конечно, хорошо. Простите меня.

Он повернулся и вышел из кухни. Немного помялся в столовой, а потом медленно поднялся к себе в кабинет. Ничего не получалось. Он был ошарашен её поведением, ему казалось, что не бывает это просто так. Должны же быть хоть какие-то чувства, не может быть ничего без них. Он ходил по своему большому домашнему кабинету, то подходил к окну, разглядывая тяжёлые набухшие свинцовые тучи, то снова и снова садился за стол. Он три дня не может найти себе места, строит какие-то идиотские планы, а она взяла и так вот запросто отшила его. Женское коварство! О, какой же ты глупец! Может быть, подойти к ней ещё раз, может быть, что-то смутило ее, и она ему не верит. По большому счёту у Андрея Николаевича и опыта такого обхаживания не было, не такой уж он и ловелас. Что же делать, что же делать? Позвать её? А вдруг она не придёт?

Он сел на диван. За окном поднимался ветер, несколько мокрых капелек ударили по стеклу, стало быстро темнеть. Андрей Николаевич даже не заметил, как заснул. Проснулся он от сильных раскатов грома. Посмотрел на часы. Было около часа ночи. Значит, он проспал почти четыре часа. Голова была тяжёлой, шея болела, он сделал несколько упражнений, чтобы размять её. Пошёл сильный дождь, моментально превратившийся в ливень. Окна как – будто поливали из ведра.

Флора! Он вспомнил разговор в столовой, ему стало неприятно оттого, что он затеял его. Надо было немного подождать, а не лезть так обескураживающее со своими признаниями. Может быть, у него ещё появится шанс. Чувство к ней только усиливалось, он ощущал это физически. Через мокрое окно он посмотрел в глубину сада. Там, в маленьком домике, где жила Флора, мерцал свет. Она не спит? Почему? Или же это просто ночник. Но вдруг свет выключился и зажёгся снова. Флора там была одна, Тамара Константиновна уехала. Ещё раз замигала лампа. Господи, может быть, она его зовёт? Он протёр сонные глаза и снова уставился в ночную даль. Бушующий ветер, шум прогибающихся деревьев и падающей воды создавали сюрреалистическую картину ночи. Наверное, ему всё это показалось. Или это снова его воспалённое воображение. Снова стало темно. Показалось. Конечно, показалось.

Но нет, лампа замигала опять, как далёкая упавшая звезда и он уже не стал гадать. Быстро бросился из дома в сад. Рывкнули собаки из укрытия, но, узнав его, замолчали, не рискнув выбежать под проливной дождь. Прошло не больше минуты, а он уже был весь мокрый. Он взялся за ручку двери садового домика и тихо нажал на неё. Дверь была открыта. Он осторожно вошёл в дом. Свет уже не горел, было темно, но уличные фонари бросали жёлто-сиреневые блики на потолок и на стены.

– Флора, – тихо позвал он её. Она не ответила, он медленно пошёл по коридору. Дверь спальни была слегка приоткрыта. Он легко толкнул её. Флора стояла у окна. Она даже не шелохнулась.

– Флора, – ещё раз позвал он её. Она обернулась и посмотрела на него. Ночной сиреневый свет из окон делал её красивое лицо похожим на фантастическое изваяние.

– Что? – спокойно спросила она.

- Я не могу жить без тебя, Флора. Не прогоняй меня.
- Я думала, что ты уже не придёшь. Я зову тебя третий час.
- Я люблю тебя, Флора.

Андрей Николаевич никогда не думал о том, что это может произойти с ним. Он был влюблён во Флору. Любовь к ней окутала его всего с ног до головы, перевернула всю его душу и заставила по-новому посмотреть на мир. Он хотел быть с ней всегда, ему нравилось в ней всё, он мог часами любоваться ею. В любви она была бесподобна, сдержанная и даже сжатая в обществе, оставаясь наедине с ним, она превращалась в вольную птицу. И не было видно конца её любовных фантазий. Одним словом, одним взглядом, одним движением она легко могла снять с него любое напряжение, нервозность. Думая о ней, он чувствовал, как бурлит кровь в его венах, он чувствовал, как они набухают и как кровь жаждет выхода. Такого с ним не было никогда. Флора была восхитительна, он был невероятно счастлив, что встретил её.

Но любовь была взаимной. И она любила его, может быть, её чувство к нему было немного другим, не слабым, а другим. Она видела в нём надёжного друга, преданного ей. Хотя он был старше её почти на двадцать лет, она не признавала за ним менторства и стремилась, чтобы их отношения были абсолютно равноправными. Но вся беда была в том, что виделись они очень редко. Встречи приходилось подготавливать долго, тяжёло. Очень часто намеченные встречи вдруг неожиданно отменялись. Иногда их свидания были настолько короткими, что им обоим было неудобно оттого, что они не могут пользоваться своей любовью. Пока вопрос о будущем они старались не поднимать, но оба думали об этом. Для Андрея это была неразрешимая проблема, а о том, чтобы разойтись со Светланой не могло быть и речи. И дело было не только в том, что он ещё испытывал к ней какие-то чувства. Так получилось, что все финансовые дела семьи вела она. Они никогда не обсуждали ничего отдельно. Бюджет и накопления были общими. Но по документам получалось, что у него почти ничего нет. Он иногда думал об этом. Начинать передел семейного бюджета сейчас было невозможно, объяснение этому найти было трудно. Поэтому он просто ждал. Чего, он сам не знал. Может быть, просто дальнейшего развития событий. И ей тоже оставалось только ждать. Впрочем, больших неудобств она от своего положения не испытывала, она была им удовлетворена. Пока. Но оба чувствовали, что так долго продолжаться не может. Всё тайное когда-нибудь становится явным. Это только вопрос времени.

Как-то он подумал о том, что может быть ей оставить службу. Но когда он сказал ей об этом, она категорически запротестовала. В принципе, она была права. Почти все их свидания проходили в Полбино. Тамара Константиновна часто навещала свою племянницу без ведома хозяйки. Сама Светлана всё чаще оставалась у матери. Все знали, что Андрею Николаевичу хорошо работается за городом, старались не мешать. Конечно, такой идеальной возможности встречаться могло бы больше и не быть. Здесь, в своём доме он был вне всяких подозрений. И Флора была предельно осторожна не только в своём поведении. Даже в частных беседах с Тamarой Константиновной она старалась не сболтнуть лишнего и надо сказать ей это прекрасно удавалось. Прошло почти полгода, но об их истинных отношениях не знал никто. Это было невероятно.

В начале осени Андрей Николаевич получил приглашение на международную встречу крупных азиатских банковских ассоциаций в Малайзии. Сначала разговор шёл о целой делегации из России, но неожиданно изменился формат встречи, понизился её представительский уровень. Однако Андрея Николаевича это не смутило, наоборот представилась возможность немного развеяться. И вот тогда у него созрел план.

– Тебе ничего не надо делать. Всего три дня. У меня один день уйдёт на разную деловую ерунду и почти два дня мы с тобой свободны... – он решил взять с собой Флору.

– У тебя загранпаспорт в порядке? Я закажу тебе билет, я всё узнал. Твой рейс ровно через сутки, я встречу тебя в аэропорту Куала-Лумпур. У тебя будет приглашение на встречу

и обратный билет. Никаких проблем на границе. Через два дня мы вернёмся также разными рейсами.

– Наше отсутствие совпадёт, это может вызвать подозрения.

– Нет. Не такие уж мы важные персоны. Если соблюдать элементарную осторожность, то ничего не случится. Светлана сейчас сильно занята очень важным проектом, она в Полбино почти не приезжает. Тебе надо будет просто что-нибудь придумать для Тамары Константиновны.

– А что я ей скажу?

– Это тоже не проблема. Я скажу тебе, о чём надо будет ей напомнить. Она будет держать язык за зубами. Она постоянно ездит к своей племяннице и не ставит Светлану в известность. Я не думаю, что она будет довольна этим. Ну как? Едем?

Флора, конечно, очень хотела поехать. Кто бы отказался от такого приглашения. Но вот что делать с Тамарой Константиновной?

– Это так неожиданно, Флора. Неужели нельзя было заранее? – вдруг резко встретила её просьбу Тамара Константиновна.

– Как? Как прогнозировать болезнь? Я обернусь очень быстро, меня не будет всего-навсего два дня. Этого даже никто и не заметит, Тамара Константиновна. И потом, у меня же есть отгулы. Вы мне сами говорили, что я смогу ими воспользоваться. Я всегда работала сверхурочно, когда вы меня об этом просили. Я прошу вас.

– Да я же не против, Флора. Но я должна поставить в известность Светлану Васильевну. Я не имею права отпускать тебя без ее ведома, – экономка была достаточно настойчива.

– Господи, Тамара Константиновна, я прошу у вас всего-навсего два дня, чтобы навестить больную мать. Неужели для этого, я должна ползать на коленях перед хозяйкой?! – чуть не сорвалась на грубость Флора. Её поразила неуместная, как она считала, принципиальность Тамары Константиновны.

– Никто не говорит тебе, чтобы ты ползала на коленях. Что это с тобой? Никто здесь никого не заставляет ползать на коленях. Просто есть правила и им принято подчиняться. Ты ведь знала о них.

– А вдруг она меня не отпустит?

– Отпустит.

– А вдруг? – настойчиво повторяла Флора. – В таком случае, мне придётся увольняться, вы понимаете. Я бы не хотела этого. Сейчас она даже не приезжает сюда. А если и приедет, то и не заметит моего отсутствия. И потом, Тамара Константиновна, простите меня, но когда вам нужно было, то вы уезжали, не поставив её в известность.

– Откуда ты знаешь об этом? Ты меня шантажируешь, Флора? – недовольно спросила экономка, хотя понимала её правоту. – Это что, шантаж?

– Просто напоминаю, – постаралась, как можно мягче, ответить ей Флора, – я даже не думала вас шантажировать. С какой стати, просто мне казалось, что вы...

– Хорошо, – не дала ей договорить экономка. – Поезжай к маме.

Флора прилетела в аэропорт Куала-Лумпур через сутки после отъезда Андрея Николаевича. Ему удалось освободиться от дел, он снял для неё номер в престижной гостинице, и они наслаждались упавшей с небес свободой.

– А вдруг кто-нибудь увидит нас вместе?

– Кто? Оглянись вокруг, это же Азия! Человеческий муравейник! Здесь лица мелькают как на старых ускоренных кинолентах, никому нет дела до нас. Кто нас здесь может знать! Забудь об этом, теперь только ты и я. Я устал контролировать каждый свой шаг, каждое слово. Я люблю тебя, Флора. Ты – моя свобода!

– Как прикажете, мой господин, если хотите, то я могу быть свободой, – ласково польстила ему Флора, – но вдруг мне захочется стать вашей тюрьмой.

Сначала они ещё что-то смели планировать, хотели посмотреть город, покататься на катере по океану, посетить всемирно известный парк цветов, на деле всё оказалось проще. Эти два дня они даже не выходили из номера. Долго лежали в кровати, наслаждались прекрасным видом на океан с балкона своего 32-го этажа, пили тёрпкое вино и не могли насытиться друг другом.

– Мне никто не нужен, кроме тебя, Андрей – сказала она ему, когда он предложил ей прогулку по городу, – я не хочу никого видеть. Меня устраивает прогулка по этому номеру, я не хочу вставать с этой кровати. В конце – концов, два дня это очень мало. Вот, если бы мы приехали сюда на 22 дня, тогда, может быть, я и подумала бы насчёт прогулки в какой-нибудь музей.

Улетали они тоже разными рейсами, хотя разница во времени была незначительной. Флоре был заказан билет до Москвы, а Андрей Николаевич хотел воспользоваться оказией, и отправился по делам службы на пару дней во Владивосток. Перед отъездом он привёл её на известную своими ювелирными мастерскими улицу Марджубо.

– Я видел здесь одну вещь в первый день своего приезда, я хочу показать тебе её.

Они зашли в маленький, красиво отделанный салон. Навстречу им вышел пожилой и учтивый хозяин в чёрной маленькой тубетейке. Он вежливо поклонился им.

– Я был у вас, – начал Андрей на английском языке, – совсем недавно, пару дней назад. Вы меня помните?

Тот улыбнулся и приветливо кивнул ему головой несколько раз.

– Покажите мне эту вещь ещё раз, пожалуйста. Вы её не продали?

Хозяин слегка улыбнулся и знаком руки предложил им идти за ним. Пройдя через весь салон и немного по узкому и тёмному коридору, они попали к нему в роскошный кабинет. Он предложил им сесть, а сам подошёл к стене и открыл сейф. Аккуратно вытащил небольшую коробочку и положил перед ними.

– Это то – самое? – спросил нетерпеливо Андрей. – Что я видел в тот день?

– Да. Я убрал его с витрины. Я знал, что вы вернётесь, – улыбка не сходила с его лица. – И решил оставить его для вас.

– Благодарю вас, – сказал Андрей и повернулся к Флоре. – Открой сама, Флора.

Флора сняла крышку и развернула мягкую бархатную тряпочку вишнёвого цвета. Перед ней засверкала мелкими нежными бликами великолепной работы золотое кольцо, усыпанное маленькими изумрудами всевозможных зелёно-голубых оттенков. Золотые листики и листочки обрамляли каждый камень, казалось, дунешь, и кольцо рассыплется. Но это было не так, тонкая работа была сделана с невероятным мастерством.

– Это бирюза, – сказал ей по-русски хозяин, – камень любви на востоке, это кольцо очень старое. Примерьте его, мадам.

– Я? – от неожиданности удивилась Флора, но хозяин уже вытащил кольцо и мягким профессиональным движением ловко застегнул его у неё на шее. Потом рукой показал ей на большое зеркало. Она встала перед ним и очарованно смотрела на своё отображение.

– Древний мастер делал его для вас, госпожа и он не ошибся, – сказал ювелир, и он несколько не лукавил.

– Ты прекрасна, Флора и без этого кольца, – сказал Андрей, восхищённо рассматривая её. – Но с ним... у меня просто нет слов. Я это почувствовал, когда увидел его. Вы созданы друг для друга. Я беру его.

– Подожди, Андрей, – она повернулась к хозяину магазина, – нам надо поговорить, простите. Не могли бы вы оставить нас на минутку.

Он учтиво наклонил голову и моментально испарился из своего кабинета.

– Это очень дорого, Андрей. Я не могу принять этот подарок. Это накладывает на меня обязательства, ограничивает мою свободу.

– Какие обязательства, какие ограничения! О чём ты говоришь? Я люблю тебя, Флора и это мелочь по сравнению с тем, что я хотел бы сделать для тебя.

– Меня устраивают наши отношения, и я не хочу ничего менять, Андрей.

– А я хочу...но, к сожалению, сейчас ничего не могу сделать. Я хочу, чтобы мы всегда были вместе. Только вдвоём, я уже не представляю своей жизни без тебя. Ты должна принять от меня этот подарок, он не должен тебя ограничивать ни в чём. Я прошу тебя, Флора...очень прошу.

– Хорошо, – немного подумав, ответила она ему.

Расставались они в отеле, но в ожидании такси они решили скоротать время в баре на первом этаже. Маленький бар утопал в тропической зелени, они сидели и молчали.

– Андрей Николаевич! – вдруг неожиданно позвали его из глубины бара.

Андрей даже не понял сначала, что зовут именно его, так неожиданно это было. Он повернул голову и уже через секунду перед ними стоял улыбающийся высокий мужчина, приблизительно ровесник Андрея.

– Это я, Самарин с Екатеринбургского филиала. Вы были у нас в прошлом году, помните? На представлении нового председателя правления.

Конечно, Струнин его помнил и уже радовался, что тот хотя бы не из Москвы.

– Да, да, Самарин Анатолий...вы управляющий, кажется...

– К вашим услугам, Андрей Николаевич – довольно улыбнулся Самарин, посмотрел на Флору и учтиво наклонил голову.

– Да, конечно...простите, – извинился Струнин, представил её, но не назвал имени. – Познакомьтесь, это моя помощница.

Самарин вежливо наклонился и улыбнулся ещё раз.

– Простите нас, – не дал разыгаться его гостеприимству Андрей, – нам уже надо быть в аэропорту. Жалею, что не могу уделить вам внимание, мы уже уезжаем.

– Я могу вас отвести, – предложил ему Самарин. – Я на отдыхе с женой и детьми и у нас есть машина. Если хотите, мне это не составит большого труда.

– Нет, нет, благодарю вас. Кажется, за нами уже приехали.

На счастье в дверном проёме показался консьерж и показал Струнину рукой на выход. Андрей Николаевич стал собираться.

– Жаль...а я так обрадовался, – разочарованно сказал Самарин. – Хотел вас познакомить с женой, она здесь, в баре.

– Как-нибудь в следующий раз. Извинитесь перед ней из-за меня. Прощайте.

Самарин вернулся к своему столику. Жена с нескрываемым любопытством и некоторым разочарованием встретила его.

– Узнал? – на ходу спросила она.

– Представь себе, узнал! Даже имя вспомнил! Надо же, сам Струнин – начальник Управления министерства! За ним уже приехали, не было времени поговорить. Обычно на отдыхе легче добиться необходимого взаимопонимания. Кстати, просил извиниться перед тобой. Очень влиятельный человек в нашей системе. Жаль, так не повезло.

– А жена у него красивая, очень. Прямо – фотомодель.

– А это не жена. Он сказал – помощница. Его жену я знаю, она тоже работает в финансовой сфере. Она тоже достаточно красива, но не так, как-то попроще, что ли.

Конечно, Андрей Николаевич не мог не думать о своём будущем. Только теперь он его уже не представлял без Флоры. Она так манила его, он готов был, не задумываясь, посвятить ей всю свою оставшуюся жизнь. Но положение, семья и эта разница в возрасте пугали его. Он понимал, что рано или поздно вся эта история обязательно выплывет наружу, по-другому просто не бывает, он уже чувствовал, что ему будет трудно обезопасить себя.

Отец Светланы в их миру был человек очень влиятельный, он хорошо относился к Андрею. Но Струнин чувствовал, что это только оболочка. Старик его почти ненавидел. Андрей ему был нужен, и только поэтому он проталкивала его изо всех сил. Конечно, он понимал, что в том, что он добился такого положения, огромная доля участия семьи жены. И это его постоянно тяготило. Как-то Василий Александрович попросил его об одном одолжении. В принципе, можно было бы уступить старику, но Андрей отказал ему и не подписал документы его протееже. Он сделал это специально, чтобы у того не возникло иллюзий по поводу нового назначения Струнина. После этого Белоусов почти месяц избегал зятя, даже Светлана была холодна с ним, обидевшись из-за отца, хотя вслух она ему об этом не сказала. Где-то она, конечно, понимала, что Андрей прав. Такой пост предполагал в принципе абсолютный контроль во всём и со всех сторон. Она не могла об этом не знать, это был и её мир. Пока всё шло хорошо, ему все улыбались. Но Андрей знал, что стоит оступиться хоть на полшага, то ему припомнят всё. И поэтому осторожничал.

Андрей был одинок с детских лет. Так получилось. Его воспитала мать, отца он не знал. Мама раз приехала в Москву из провинции, познакомилась со Светой и уехала, не дождавшись встречи с её родителями. Он любил свою мать, но их отношения в последние годы сводились к телефонным звонкам и финансовым переводам. Все его предложения хоть как-то улучшить условия её жизни, она категорически отвергала. А предложить ей переехать в Москву, он даже не думал. Он заранее знал, что она ему ответит. Несколько раз Светлана предлагала ему съездить к матери вместе. Сначала он радовался этому, но мама... удивительный человек, она сказала ему, что ей будет трудно принять его жену достойно и попросила не приезжать. Положение сына её стесняло, мама была рада, что сохранила девичью фамилию и не принимала сына в качестве успешного бизнесмена. К его делам и к его успехам, она была равнодушна.

Сначала он приезжал к ней, в маленький районный центр не самой дальней российской провинции два – три раза в год. Потом раз в год, на день рождения или на майские праздники. Потом появилась мобильная связь и создалась иллюзия постоянного общения. Ему тоже надоело её уговаривать, в конце – концов, её можно было понять. Тихая сельская учительница – она никогда не понимала, как можно жить в большом городе. Несколько раз тамошнее провинциальное начальство расспрашивало её о сыне. Земля слухами полна, пару раз он оказывал незначительные услуги землякам, но на большие контакты он не шёл. И вообще, Андрей Николаевич был не очень контактным человеком. Так говорили у него за спиной, и он знал об этом. У него не получалось дружить, его тяготили традиционные обязанности по отношению к родителям жены, к коллегам и сослуживцам. Он хорошо чувствовал себя в одиночестве, оно его никогда не утомляло. Он не любил спорт, как развлечение. Попробовав пару раз принять приглашение в VIP-ложу стадиона в Лужниках на футбольные матчи, он как-то сразу понял, что это не для него. Сборища он не любил, дружеские попойки тоже, предпочитал смотреть спортивные соревнования по телевизору, дома. Раньше он много читал, всё больше классиков, Ремарк, Маркес, Чехов, Толстой... пробовал осилить современников, но не получилось. Предпочитал перечитывать знакомых, впрочем, на чтение времени уже не хватало. Общество Светы его никогда не утомляло, она не раздражала его, но часто он чувствовал, что уже не скучает без неё, как прежде и был не прочь остаться одному.

Когда Андрей Николаевич понял окончательно, что детей у них не будет, ему уже было под сорок. Почти десять лет семейной жизни не дали никаких результатов. Врачам он не доверял, современным медицинским технологиям тоже. Финансовое положение его было таково, что лечить их брался любое светило. Толку от этого просто не было. Потом это объяснили какими-то нарушениями в организме Светы. Андрей не хотел её обижать, старался быть внимательнее к ней, более чутким, чем обычно. Она это ценила. Они решили прекратить бесполезные процедуры и подумать о других способах стать родителями. В частности, об усыновлении. Решение это он принял очень легко, родители Светы поддержали их.

А его мать эту ситуацию восприняла по – другому и сказала ему, что лучше было бы, если бы она родила. Андрей Николаевич до сих пор запомнил её слова. Вам надо было родить в самом начале, сказала она ему тогда, когда вы сильно любили друг друга, когда вас тянуло друг к другу ежеминутно, когда вы не могли обойтись друг без друга ни секунды. Родить и воспитывать своё чадо, а не ждать, когда вы разбогатеете, когда увидите весь мир, когда постройте десятый дом и купите сотый автомобиль. Это иллюзия! Время беспощадно! Нет ничего лучше, чем зачать ребёнка в любви. Если потом между вами возникнут сложности, то любовь к ребёнку сможет спасти ваш брак. А так – вы обречены. Рано или поздно вы разойдётесь. У вас нет единой цели. Любовь друг к другу надо было вложить в маленькую девочку или в маленького мальчика – и это была бы самая великая цель вашей жизни. Самая великая гарантия ваших чувств! Вы смотрели бы на своего маленького ребёнка и радовались бы тому, как он растёт. Вы вспоминали бы те дни, когда вы любили друг друга по-настоящему, когда вы были открыты друг другу. А сейчас у вас другая цель – наслаждение жизнью и деньги! Вы словно на подиуме, красуетесь, меняете костюмы, меняете дома, машины, друзей... вы меняете нравственные ценности, вы подменили житейские понятия. Вы могли бы не жениться, зачем вам брак? Господь создал брак не для этого, Господь создал брак для продолжения рода. Дети – наивысшее доказательство любви! Другого доказательства любви нет! Вы не любите друг друга, и только поэтому у вас нет детей. Врачи вам не помогут.

Тогда его немного обидели эти слова, а сейчас всё чаще и чаще он думает об этом, о жестоких, но справедливых словах своей матери. Он не говорил об этом Свете, но он очень хотел своего ребёнка. Уже давно. И когда появилась в его жизни Флора, это желание усилилось неимоверно. Конечно, он понимал призрачность своей мечты, но что ему ещё оставалось делать. Ему уже исполнилось 45 лет, и он стал ощущать быстротечность времени, ощущать почти физически. Раньше этого не было или было не так сильно заметно. Он стал чувствовать, как быстро стали уставать его ноги и руки. Глаза не выдерживали напряжения и иногда ему не помогали ни очки, ни капли. Служба отнимала почти всё его время, он не знал, что такое досуг, какие-то развлечения. Последнее время ему всё время хотелось хотя бы выспаться. Он забыл, что такое день. Просто день! Он его не видел, он его потерял! Утром просыпался, автомобиль, министерство. Приезжал он рано, чтобы немного поработать с документами, потом завтрак. И пошло, и поехало, встречи, совещания, совещания, встречи. И наступал вечер. Ужин. Это становилось невозможным, неприятным. Всё время хотелось бросить службу, но было поздно. Он уже превратился в тот самый винтик огромного и неуклюжего механизма, он уже не мог выйти из игры. Он опоздал! И теперь ему придётся до конца своих дней вращаться на смазанных кровью и потом своих безымянных предшественников шарнирах огромной и безжалостной машины государственного аппарата. Внешнее благополучие слишком дорого стоило ему. Это был не его мир. И когда он это понял, он его стал ненавидеть. Глубоко в душе понемногу, потихоньку зарождались проблески потаённых желаний. Андрей Николаевич ещё сам этого не понимал, но уже появилось желание бежать. Появление в его жизни этой девушки приоткрыло для него новый мир. Неведомый ему ранее. Мир свободных чувств и сокровенных желаний. Бросить всё и бежать. Только он и Флора. Но для этого нужны были деньги. Много денег, он уже не мог жить без денег.

Зимой, перед самым Новым годом в Правлении Центробанка должно было состояться ежегодное совещание с участием руководителей региональных отделений. Ответственным чиновником за это мероприятие была назначена Светлана Васильевна Домбровская. Надо сказать, что фамилию первого мужа Светлана так и не сменила. Она ей нравилась.

Это было очень значимое мероприятие. На следующий год должны были пройти новые назначения в самых крупных регионах. Руководство регионов в последнее время требовало всё большей самостоятельности, центральный аппарат в Москве был этим озадачен и должен был проявлять исключительную гибкость. Предновогодняя встреча была единственной в

своём роде возможностью утрясти разногласия, сверить позиции, своего рода «встреча без галстуков». Министерство финансов практически отношения не имело к этому мероприятию, и поэтому Андрей Николаевич особо не интересовался ходом подготовки. Но как мог, он помогал Светлане.

Для встреч и консультаций были арендованы конференц-зал и апартаменты в «Президент – Отеле». Здесь же предстояло жить участникам совещания. Но когда встал вопрос о банкете в день окончания встречи возникли вопросы. Дело в том, что состав участников именно банкета предполагался не большим, и он намечался прямо перед празднованием Нового года, а это всё-таки семейный праздник. Многие из регионов, особенно дальних, думали улететь в день последнего совещания и заранее предупредили об этом оргкомитет. На 25-30 человек снимать зал в «Президент – Отеле» было абсолютно непрактично.

– Давайте где-нибудь за городом, – предложил Белоусов Светлане и оргкомитету, – финансисты люди консервативные, светиться не любят. Как в старые, добрые времена. Хороший шашлычок на свежем воздухе, водочку, закуски. Смотрите, какие дни хорошие стоят, морозные, ядреные. И что в этих отелях делать, салатами обжираться, да физиономии свои журналистам показывать? Возьмём хороший микроавтобус, два микроавтобуса, соберём народ и за город. Как идея? На природе, да на свободе, сразу обо всём договоримся. Как в дни нашей комсомольской молодости. Соглашайтесь и будем место на природе искать.

Руководство «Центробанка» идею одобрило, тем более, что на банкет оставались только близкие руководству люди. А место долго искать не пришлось. О месте им напомнил Председатель Правления. Он сказал Белоусову:

– Василий Александрович, помните юбилей Андрея Николаевича? У вас, в Полбино. Так здорово прошло, я до сих пор помню. Мы всё профинансируем, опыт у Светланы Васильевны есть. Повторите? Времени подготовиться ещё достаточно, честно говоря, я и сам не люблю все эти рестораны, банные комплексы, загородные места отдыха. Обязательно нарвёшься на какую-нибудь знакомую физиономию или на какого-нибудь злого журналиста. Сразу появляются какие-то певцы, ведущие, какие-то сценарии. Словно мы маленькие дети. Давайте в Полбино, в закрытом режиме, без чужих и без лишних. Места у вас там много, двор красивый, мангал знатный... или, как их сейчас обзывают – барбекю. Наймём поваров, официантов. Думаю, что и зять ваш, Андрей Николаевич нас не прогонит. Всё-таки наш человек, мы и ему рюмочку нальём, если что, чтобы совсем не обижался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.